

РУССКИЕ В ГРУЗИИ

ИННА БЕЗИРГАНОВА

ЗЕРКАЛО ВРЕМЕНИ

ВЕРА ЦЕРЕТЕЛИ

БИБЛИОТЕКА МЕЖДУНАРОДНОГО КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОГО
СОЮЗА «**РУССКИЙ КЛУБ**»

ИННА БЕЗИРГАНОВА
ЗЕРКАЛО ВРЕМЕНИ
ВЕРА ЦЕРЕТЕЛИ

Тбилиси
2021

Русско-грузинские культурные взаимоотношения поистине являются историческим феноменом, не имеющим аналогов.

Россию и Грузию связывают 11 веков взаимного общения. Начало этих отношений восходит к X веку – в древнерусских летописях упоминаются Грузия и Тбилиси. В 1491 году были установлены дипломатические отношения. При Петре Первом на берегах речки Пресни близ Москвы заложена Грузинская слобода (в просторечье – «Грузины», ныне – Большая Грузинская). А с конца XVIII века, после заключения в 1783 году Георгиевского трактата, отношения стали особо тесными и интенсивными.

На покровительство Грузия отвечала помощью и поддержкой – в том числе, культурной, духовной. Приют, пристанище здесь обретали многие великие русские – опальные и гонимые в России, в Грузии они всегда находили свободу, работу и почитание.

Серия «Русские в Грузии» – первый опыт систематизированного освещения богатейшей истории пребывания в Грузии выдающихся российских деятелей искусства, религии, науки, литературы, спорта, достойных благодарной памяти потомков.

Серия стала настоящей энциклопедией русско-грузинских взаимоотношений.

Проект направлен на популяризацию российского культурного наследия, возрождение интереса к России в Грузии и к Грузии в России, активизацию общественного диалога и культурного общения двух православных народов-соседей.

Издатель –

Международный культурно-просветительский Союз

«Русский клуб»

При поддержке Фонда **«Русский мир»**

Руководитель проекта –

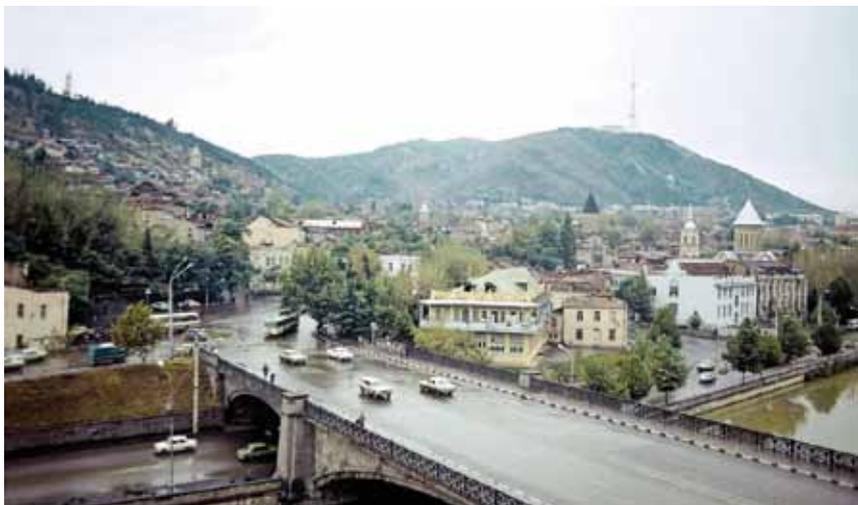
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ

заслуженный деятель искусств РФ,

заслуженный артист РФ

© **Русский клуб. 2021**

ISBN 978-9941-8-3817-0

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

...Небольшой тихий дом, утопающий в зелени, в тбилисском районе Вера. Несколько деревянных ступенек – и ты попадаешь в особую атмосферу уюта и гостеприимства. Добро пожаловать! Каких только интереснейших людей не видели и не слышали эти стены... Литература и театр, музыка и изобразительное искусство, политика и экономика – о чем только не говорили собиравшиеся здесь гости, привечаемые радушными, хлебосольными хозяевами!

И, наверное, не случайно именно в этом «убани» обрела однажды свой тбилисский дом москвичка Вера Александровна Макарова-Це-

ретели. А произошло это несколько десятилетий тому назад – в 1975 году...

Если назовешь театралу или человеку, имеющему отношение к театру, имя Веры Церетели, реакция последует незамедлительно: «О, это профессионал своего дела, мастер!» Для каждого, кто интересуется сценическим искусством, культурой, публикации Веры Александровны – действительно эталон мастерства! То, что выходит из-под ее пера – это, как правило, образец журналистики и театральной критики. Поэтому изучение ее работ, рецензий – замечательная школа для начинающих писать о театре...

Верину школу проходила когда-то и автор этих строк. Секрет мастерства Веры Церетели не только в прекрасном владении словом, безукоризненном стиле письма – легком, каком-то музыкально-воздушном (музыкальность – и в голосе Веры, богатом обертонами), но и в умении глубоко, тщательно анализировать, в принципиальной и точной оценке увиденного – при всей доброжелательности и объективности. Ни один нюанс театральной постановки не ускользнет от внимательного взгляда Веры, и по мере развития мысли в ее рецензии перед читателем постепенно вырисовывается зримый образ спектакля. А это высший класс театральной критики! Достигается такой эффект не только благодаря ее врожденному таланту, но и тому, что Вера Александровна подробно записывает мельчайшие детали постановки, нередко присутствует на репетициях и наблюдает процесс создания спектакля, общается с режиссерами, которые доверяют Вере, прислушиваются к ее мнению. Хотя культурной тематикой далеко не исчерпываются профессиональные возможности и интересы Веры Церетели. Потому что главные черты ее личности – равнодушие, огромный интерес, точнее – любопытство к жизни, острый ум, стремление докопаться до самой сути явлений.

Эта книга – коллективный портрет Веры Александровны, составленный из мнений, впечатлений и воспоминаний разных людей...

ДЕВОЧКА ИЗ КУНЦЕВО

Верочка родилась 14 декабря 1944 года в центре Кунцевского района Московской области – городке Кунцево (сегодня это уже часть Москвы). Она росла вдумчивой, любознательной девочкой, много читала и смотрела на мир широко раскрытыми глазами. А главное – Вера грезилась о сцене. Кто-то с иронией скажет – ну и что? Практически все девочки в определенном возрасте проходят этот романтический период и мечтают стать актрисами, да вот мечты сбываются только у единиц. Но Вере Макаровой из Кунцево как раз и удалось осуществить свою мечту – стать актрисой и на всю жизнь связать себя с Театром... Но обо всем по порядку.

Отец Веры, Александр Лаврентьевич Макаров, человек, обладавший великолепной памятью и недюжинным интеллектом, был родом из Тульской области, вырос в крепкой, трудолюбивой крестьянской семье. С приходом к власти большевиков судьба Макаровых резко изменилась: они вынуждены были покинуть родные края, чтобы начать жизнь на новом месте с чистого листа. Получить какое-то образование Александру Макарову так и не удалось (в дальнейшем он работал электриком на Московском радиотехническом заводе). В Москве он познакомился

со своей будущей женой и матерью Веры – Натальей Андреевной Крикуновой. Многие подробности из прошлого родителей Вера узнала спустя годы. Такие были времена...

Родители девочки, наревшие ее чудесным именем старославянского происхождения и наверняка связывавшие с Верочкой большие надежды (в семье росли три сестры – Нина, Лидия и Вера), не имели никакого отношения к сцене, искусству вообще. Да и театр девочка посещать не имела возможности – в 50-е годы городок, в котором жили Макаровы, еще не был частью столицы! Обитала семья Веры в собственном доме, вокруг – сады-огороды. Родные пенаты воспитали в ней любовь к земле. И это отношение сохранилось навсегда. «Глядя сегодня на цветы, деревья, вспоминаю далекое-далекое прошлое...», – говорит Вера Александровна. Кстати, она интересуется лечебными свойствами трав – этому научил ее отец.

...Каким-то образом вызрела в маленькой Вере любовь к театру. Она проявлялась и в посещении школьного драмкружка, и в частых выступлениях с чтением стихов любимых поэтов на вечерах и конкурсах! Благо, стихов способная девочка знала очень много, причем не только те, что изучали в школе... И это увлечение поэзией нисколько не мешало учебе – скорее наоборот: Вера была круглой отличницей, успевающей по всем предметам – как техническим, так и гуманитарным. Поэтому, мечтая о сцене, она после школы молча подчинилась вердикту

Александр Лаврентьевич и Наталья Андреевна Макаровы

строгого отца: «Сначала получи нормальную, серьезную специальность, а потом иди в актрисы».

Такую серьезную специальность (в дипломе значится: «радиолокационные устройства») Вера Макарова получила после восьмого класса общеобразовательной школы в престижном Московском радиомеханическом техникуме (училась с 1959 по 1963 гг.), в котором давали основательные знания, и даже успела потом недолго поработать техником в Радиотехническом институте Академии наук СССР на атомных ускорителях. Сегодня она с удовольствием вспоминает, как легко проводила в уме расчеты трансформаторов по основным величинам. Эта работа не была Вере в тягость. И она навсегда благодарна отцу за то, что он настоял на ее поступлении в радиомеханический техникум. «Это было

Верочка

великолепное учебное заведение. Оно воспитало во мне настоящее аналитическое мышление!» – вспоминает Вера.

Но это была только одна грань ее разносторонней натуры. Мечтала-то Вера совсем о другом – о театре, о том, как будет выходить на сцену в разных образах...

Приблизиться к мечте оказалось не так-то просто. Конкурсы в театральные вузы были огромные – их штурмовали талантливые девушки и юноши, проявляя исключительную настойчивость и страсть. Как рассказывает Вера, актерским амплуа в прежние годы придавалось больше значения, чем сегодня, и специа-

листы утверждали, что ее внешность не соответствует голосу и характеру. Она говорила голосом героини, да и по сути была таковой, что никак не гармонировало с ее внешними данными инжженю. Это обстоятельство помешало Vere поступить в театральный вуз. Тем не менее ей удалось получить актерское образование в театральной студии при старейшем Московском театре кукол.

Студия была открыта в 1964 году – тогда же Вера туда и поступила, завершила учебу в 1967-м с оценкой «отлично» по мастерству актера и получила приглашение в Московский театр кукол. Кстати, в 1962 году его возглавил Борис Исаакович Аблынин – один из первых советских режиссеров, синтезировавших кукольный и драматический театры, исповедовавших эстетику условности на сцене, органического соединения кукол, театральных масок и игры актеров. В 1968 году он создал при Театре кукол студию «Жаворонок»: дипломной работой стал спектакль «Жаворонок» Ж. Ануя, давший название театру-студии. Эту постановку называли революционной, одним из самых парадоксальных, ярких, ироничных и остроумных спектаклей, программной работой театра, его «Чайкой». Официальное открытие новой студии состоялось в театре «Современник» в феврале 1968-го. Вера Макарова выступала на сцене вновь созданного театра «Жаворонок», увы, просуществовавшего недолго – до 1972 года.

В тот же период она еще вела на телевидении популярнейшую дет-

скую передачу «Спокойной ночи, малыши». В дальнейшем Вера Макаровой-Церетели очень пригодились актерские навыки в ее работе театрального критика – ведь она изнутри постигла специфику актерской профессии, театра.

Но вскоре картина меняется... Только прикоснувшись к актерству, Вера вынуждена с ним расстаться. Навсегда. Причина драматична: девушка тяжело заболела, прошла через серьезную операцию на легком и даже перенесла клиническую смерть. Вера до сих пор вспоминает это как тяжелейшее испытание в самом начале жизненного пути – ей тогда едва исполнилось двадцать три года! – разделившее ее жизнь на «до» и «после». В итоге ей пришлось

поменять... нет, не сферу деятельности, театр остался в ее судьбе. Но служение ему приобрело иной характер: Вере посоветовали поступить на театроведческий факультет московского ГИТИСа имени А. Луначарского (ныне – РАТИ). Передо мной – характеристика-рекомендация из Театра кукол, в которой Веру Макарову называют «способной, серьезной и творчески мыслящей», что дало дирекции основание рекомендовать ее для поступления в ГИТИС.

«Мне этот переход дался безболезненно! Ведь театр был со мной, в какой бы форме я ему ни служила. И это – глубинное! Я знала все тонкости сценического искусства, поэтому мне было легко писать о теа-

Вера Макарова читает стихи

Вера Макарова – актриса

тре», – вспоминает Вера. Первые ее публикации появились на страницах журнала «Театральная жизнь».

На театроведческом факультете (годы учебы – с 1967 по 1972 гг.) Вере читали лекции прекрасные специалисты, среди них совсем еще молодой талантливый театровед, историк театра Алексей Бартошевич – ныне знаменитый шекспировед. На параллельном курсе (а может, курсом старше или младше) учились будущий искусствовед, телеведущий, медиа-менеджер, общественный, государственный и культурный деятель Михаил Швыдкой и Мария Седых, впоследствии тоже известный театровед, и все называли этот курс – «курс Машки и Мишки».

А вскоре произошла судьбоносная встреча Веры с будущим мужем – молодым ученым Константином Церетели, перевернувшая всю ее жизнь. В результате в 1975 году она переезжает из Москвы в Тбилиси. Это было сложное, но счастливое для нее время как в личном, так и в про-

фессиональном отношении... Ведь она оказалась в Тбилиси в то время, когда грузинский театр, культура в целом переживали расцвет, золотой период, когда в искусстве царили Михаил Туманишвили, Роберт Стурра, Темур Чхеидзе, Верико Анджапаридзе, Рамаз Чхиквадзе, Софико Чиаурели, Отар Мегвинетухуцеси и многие другие, и Вера, окунувшись в самую гущу событий, в своих публикациях отразила панораму яркой тбилисской общественно-культурной жизни, стала, по сути, ее зеркалом! Обо всем этом она однажды рассказала сама в своей резонансной публикации «Выйти замуж за грузина» (журнал «Русский клуб», №3 2008 г.).

ВЫЙТИ ЗАМУЖ ЗА ГРУЗИНА

«Сегодня, прежде чем влюбляться, надо сначала выяснить, какое гражданство у избранника, какая национальность – и еще не забыть про вероисповедание. Если что-то не совпадает, лучше не рисковать. Тогда еще никто не знал, что «дружба народов окажется мифью», как замечательно сформулировал Рафик Нишанов. Национальность? Да какая была разница? В Москве было полно иностранцев, не говоря уж о представителях «Союза нерушимого республик свободных» – те были совсем своими: узбеки, украинцы, латыши, грузины, армяне и прочие. А выпускник московского вуза мог получить распределение в любую республику Союза. В нашем классе список учащихся начинался с Акопана, но нам и в голову не приходило выяснять, кто у нас Сашка. Ну, армянин – и что? А еще был Валерка Деникаев – наверное, татарин. Все знали, что у Валерки бабушка неграмотная – ни читать, ни писать по-русски не умеет, но Валерка говорил, что у нее есть книжки с какими-то закрючками и точками наверху, и она по ним что-то непонятное бормочет. А вот грузин-ровесников я в юности почему-то не встречала – ни в театральной студии, ни в ГИТИСе. Конечно, мы слышали о Сумбатове-Южине, Марджанове, Верико

Церемония бракосочетания

Анджапаридзе, но это были скорее мифы. В те времена в Москве бытовало расхожее мнение, что приезжие грузины носили кепки-аэродромы и торговали мимозой у метро. Конечно, московские студенты с такими знакомств не водили.

Со своим будущим мужем я познакомилась почти конспиративно, когда уже после ГИТИСа работала в журнале «Театральная жизнь». Иногда я бегала в церковь на Арбате, тайком, чтоб в редакции не знали, и мечтала о крестике – золотом или серебряном. Но в Москве в продаже их просто не было. Заказать тоже невозможно, сразу сообщат куда надо, и можно загреметь с работы. Помню, как однажды в церкви нас записывали – имя, фамилия, место работы. Я только успела сказать

Константин и Вера Церетели

фамилию, имя, как стоявший рядом священник, хорошо знавший, кто я и где работаю, вдруг сказал вместо меня: «Она домохозяйка». Мою мечту о крестике неожиданно исполнила ближайшая подруга моей старшей сестры, вышедшая замуж за грузина и уехавшая с ним в Тбилиси (на край света, как тогда казалось). В Грузии она свободно заказала крестик. Переслать его в посылке было опасно, их досматривали, и она передала крестик с оказией – молодой сотрудник их научно-исследовательского института как раз уезжал в Москву, где учился в аспирантуре. И вот однажды в моей московской квартире раздается звонок, я слышу в трубке голос с жутким грузинским акцентом: «Па-а-просите Вэ-э-рочку». Я оторопела. Во-первых, от акцента, во-вторых, в наших кругах

не принято было называть уменьшительным именем. В трубку я сказала: вы, наверное, ошиблись номером? Мы долго препирались, пока, наконец, неизвестный не сказал, что он должен передать мне посылку. В итоге посылку я получила и в знак благодарности несколько раз сводила нового знакомого на спектакли, так как по заданию редакции мне полагалось смотреть все премьеры. Надо сказать, что сначала мы друг другу совсем не понравились внешне. Но нам было интересно разговаривать. Я балдела от его впечатлений от московской жизни, от рассказов о московских хозяевах-алкашах, у которых он снимал квартиру, а он удивлялся нашему укладу жизни, не похожему на тбилисский, и непривычной раскрепощенности здешних девушек. Будучи энергетиком по

профессии, он окончил музыкальную школу, как полагалось в хороших тбилисских семьях, прекрасно разбирался в искусстве, любил классическую музыку, даже играл мне Листа на фортепьяно, и просто много знал, как все тогдашнее поколение «физиков-лириков».

В Тбилиси у него были свои друзья и подруги, которые ждали его возвращения, у меня в Москве – свои. Мы просто дружили, делились даже какими-то личными секретами, доверяли друг другу. Через два года мы поняли, что не можем обходиться друг без друга, и решили пожениться. Хотя я знала, что Котэ хочет вернуться в Тбилиси. Наше решение было испытанием для родителей – и моих, и грузинских. Мой отец, суровый, сдержанный человек, и тот нервничал: «Может, тебя что-то заставляет, так ты и скажи». Я, конечно, вспыхнула – как это может быть?! «Ну, если ты твердо решила, то знай, что должна взять фамилию мужа, в нашем роду так принято». А родители Котэ – только теперь я могу себе представить, что они думали тогда – как это их сын, будущий ученый, женится на русской, да еще на бывшей актрисе и нынешней журналистке? Свадьба в Москве у нас была очень скромная, из Тбилиси родители Котэ прислали его младшую сестру, на которую в Москве все очень заглядывались. Нам с Котэ дали на работе отгул для новобрачных – всего три дня, тогда так полагалось. Я прихожу после свадьбы в редакцию, все меня поздравляют, главный ре-

дактор тоже. И тут ему говорят, что теперь вместо Макаровой в журнале будет работать Церетели. Редактор аж подскочил: «Ты что, с ума сошла? Как я теперь буду тебя публиковать, кто тебя узнает?!» И мои материалы шли в журнале под прежней фамилией.

Мы стали жить с мужем в нашей двухкомнатной квартире вместе с моими родителями, и они очень любили Котэ. Мой строгий, неразговорчивый отец, кажется, впервые нашел себе понимающего собеседника. Он говорил: «Вот Костя – это человек». И никогда не садился ужинать, пока тот не придет с работы. Котэ был точен, как часы (в отличие от меня), мама накрывала на стол, и на кухне начинались застольные беседы – мы все были беспартийные, и говорили о политике такое, что не дай Бог, чтобы кто-нибудь услышал. Отец сразу же прописал Котэ в нашей квартире, по окончании аспирантуры научный руководитель мужа оставил его работать в своей лаборатории, его там очень ценили. У нас родился сын, спокойный и жизнерадостный – и все было замечательно. Мы даже надеялись, что Котэ передумает возвращаться домой, ведь в Москве такие перспективы, интересная работа, замечательные коллеги, друзья. Моя редакция тоже ждала моего возвращения после декретного отпуска. Когда сыну исполнилось полгода, Котэ сказал: пора! И мы пошли с ним в паспортный стол, чтобы он выписался из Москвы, иначе в те времена было нельзя. Пожилой начальник

паспортного стола долго смотрел на нас и сказал: «Я сижу тут 20 лет, и первый раз вижу грузина, который не прописывается, а выписывается из Москвы». Мне выписываться категорически запретил отец — это было единственное условие для моего отъезда.

И я впервые в жизни очутилась в Тбилиси. Тогда еще не знала, что навсегда. Июль — яркий свет, пронизывающее солнце — то, чего мне всегда так не хватало в Москве. Из аэропорта приехали в тбилисский дворик в центре города, соседи в окошках, незнакомое крыльцо и распахнутые двери. Радушный прием, грузинский говор, восторг родителей от первого внука, который сразу стал центром вселенной для этого дома. В доме царили порядок и чистота — мать Котэ была хирургической медсестрой, а отец хирургом. Прибежав с работы, все занимались только ребенком. Родителям мужа было уже все равно, кто невестка по национальности и профессии, и какая она. Большой поддержкой для меня была младшая сестра мужа Медико, с которой мы подружились еще в Москве. Она была студенткой, прекрасно говорила по-русски и посвящала меня в тонкости грузинской жизни и обычаев. Она много времени проводила с малышом, любила с ним гулять и не возражала, если встречные думали, что это ее сын. Меня восхищал ее спокойный аристократизм, унаследованный от предков Церетели. Несмотря на свою молодость, она стала моим советчиком, консультантом и гидом.

Конечно, вместе с Котэ.

Помню, как в первый же день они повели меня показать наш уба-ни (то есть — район — ред.), чтобы я хоть немного сориентировалась. Мы спустились по Белинского, и я, как замороженная, смотрела на двери с замысловатыми чугунными завитками. Потом мы пошли по Руставели, где тоже было на что посмотреть. Вместо бегущих по делам людей неспешно прогуливались компании, причем явно не туристов, а местных. В центре города, в середине дня! После московской беготни это казалось нереальным. Но самое удивительное, встречные часто целовались — и мужчины, и женщины, даже девушки целовались с молодыми людьми. На улице, при всех! И это после рассказов мужа о строгости нравов. Я просто не верила своим глазам. Как же хохотали надо мной Котэ и Медико, объясняя мне, что это общепринятый знак дружбы! Я и потом долго не могла к этому привыкнуть.

Но самое большое открытие было на обратном пути. Меня повели домой другой дорогой — от Дома кино по крутой улочке, резко идущей наверх. Мы поднимались по непривычной брусчатке, и каково было мое изумление, когда высоченный памятник Руставели вдруг оказался вровень с нами, а под ногами на уровне тротуара — крыши домов! Это было невероятно! Глядя на горбатые тбилисские улицы, горы на горизонте, я говорила: у вас тут как на юге. Это напоминало мне Крым, куда каждый год с детства

Памятник Шота Руставели

я ездила отдыхать. Домашние хотели надо мной: «А ты где, не на юге?» И еще смеялись, когда первый раз меня угощали инжиром, а я отказывалась, говорила, что он горький. Я его пробовала в Крыму, но там никто из приезжих не знал, что инжир надо есть без шкурки... Открытий было много. Главное из них – особый уклад жизни тбилисского двора. Летом у всех двери нараспашку, соседи разговаривают друг с другом с балконов, кто выбивает ковры, кто перетряхивает подушки и матрасы, на натянутых по всему двору веревках выставка одежды и белья. В общем, жизнь нараспашку. Соседи знают друг о друге все – большая коммуналка. Запросто забегают одолжить, если под рукой не оказалось мацони, киндзы или чего еще. Идешь по своей улице, все здороваются, приходишь в булочную, тебе говорят: ваш муж

уже купил хлеб.

Солнце, долгое лето, бархатная осень – все замечательно. Единственное, чего мне не хватало в Тбилиси – снега зимой. Даже не самого снега, а его ощущения, белого простора вокруг. Глазам хотелось контраста.

Но если бы мои впечатления от Грузии ограничивались природой и бытом, наверное, жить было бы не так интересно. Но я прилетела в Тбилиси еще и с заданием от своего журнала – сделать материал с Верико Анджапаридзе, причем срочно. Когда домашние, Котэ узнали об этом, переполошились: «Как ты пойдешь к ней? У нас нет даже общих знакомых». Я нашла ее телефон в справочнике, позвонила, представилась, и мы договорились о встрече. На второй день после приезда я уже была на Пикрис-гора, в легендарном доме с колокольчиком

Редакция газеты «Молодежь Грузии»

на входной двери. Одну меня не отпустили, чтобы я не заблудилась, мы пошли с Медико. С тех пор я часто бывала в доме Верико, потом уже у Софики Чиаурели и Котэ Махарадзе. Этот дом стал для меня неким символом Тбилиси. В моей московской редакции считали, что я все равно вернусь, и давали задания писать о самых известных деятелях Грузии конца 70-х годов – Нодаре Думбадзе, Отаре Тактакишвили, Отиа Иоселиани, Морисе Поцхишвили...

Потом я познакомилась и с тбилисскими редакциями. Началось все с выставки Нади Рушевой. Я не могла не пойти на эту выставку, а увидев ее работы, не могла не написать. До этого с тбилисскими редакциями я никогда не общалась. Опять выручила телефонная книга, я проч-

ла список редакций и выбрала «Молодежь Грузии» – по ассоциации с «Комсомольской правдой», где в отличие от партийных газет можно было писать почти свободно. И не ошиблась, как позже выяснилось. Пришла в редакцию, она совсем рядом с домом, отдала статью в отдел культуры. На следующий день раздается звонок из редакции, меня просят прийти. Так я стала сотрудником «Молодежки», там был тогда замечательный коллектив молодых журналистов».

«Наш сын Котэ к тому времени уже подрос и пошел в детский сад, – вспоминает Константин Церетели. – И Вера могла снова работать в полную силу...»

Газета «Молодежь Грузии», в которую пришла Вера Александровна,

была очень популярной у читателей, в редакции этого издания собрался талантливый коллектив молодых, энергичных журналистов. И у них была возможность проявить себя, реализовать свой творческий потенциал. «Конечно, мы не диссидентствовали, – вспоминает корреспондент «Молодежки» в период ее расцвета, журналист Марина Мамацашвили. – Кто бы нам это позволил? Но все упаковывали в литературщину. Это не то, что либерализм в нынешнем понимании слова, но мы писали о наших героях по-человечески...»

Вот что рассказывает об этом периоде жизни Веры Церетели **Вадим Анастасиади** – главный редактор газеты «Вечерний Тбилиси», в 1970-е годы возглавлявший «Молодежь Грузии»:

«О Вере Церетели часто говорят, что она профессионально пишет о театре. Это правильно. Но как редактор газеты и как читатель я знакомился с множеством профессионально написанных материалов о театре, которые после первого-второго предложения навевали зевоту, скуку и единственное место которых – мусорная корзина. Иное дело Вера, она работает над своими материалами долго, порой мучительно долго, это не составляет секрета, но то, что выходит из-под ее пера, читается на одном дыхании и никого не оставляет равнодушным. За этим стоит не только хорошее владение словом, но и глубокое знание театральной жизни, знание этой жизни изнутри, что делает драматургию ее текстов крепкой и достоверной.

Естественно, все эти качества снижали Вере заслуженный авторитет в театральном сообществе, что можно было заметить по тому резонансу, который вызывало появление чуть ли не каждой ее публикации – хорошо это помню. Будучи длительное время редактором молодежной газеты, в которой работала Вера, я как-то подумал, что было бы хорошо помочь ей выйти за пределы театральной тематики, расширить диапазон ее интересов, и стал потихоньку организовывать ей командировки по грузинской глубинке. Вспоминаю об этом эпизоде нашей совместной работы с улыбкой, так как он помог ближе узнать супруга Веры – молодого ученого Котэ Церетели. Выяснилось, что Котэ свою жену в командировки одну не отпускает и каждый раз ее в поездках сопровождает лично. Много лет спустя, в начале 90-х годов, готовя очередной выпуск приложения «Русские в Грузии» к нашей «Вечерке», я вспомнил эту историю и подумал, что было бы, наверное, интересно взглянуть глазами молодой русской женщины, вышедшей замуж за грузина, в данном случае Веры, на некоторые местные традиции и обычаи. Женщина эта никогда не бывала в Грузии, не знает языка, не знакома с родителями будущего мужа. Как она была принята в новой семье, как складывались отношения с мужем, как видоизменялась личность активного, уже сформировавшегося, знающего себе цену человека, оказавшегося в незнакомой среде обитания? Увлекательный рассказ

Михаил Туманишвили, Роберт Стура и Темур Чхеидзе

Веры с ответами на все эти вопросы, опубликованный под заголовком «Выйти замуж за грузина», вызвал широкий читательский отклик».

Вспоминает журналист и подруга Веры **Эка Элиава** (на протяжении целого ряда лет редактор тбилисской редакции «АиФ») – они познакомились в редакции «Молодежи Грузии»:

«С возрастом многие покидали «Молодежку». Так, в конце 1988 года Вера перешла в «Зарю Востока», где проработала около двух лет. А в ноябре 1990 года заместитель редактора «Зари» Гиви Пацурия пригласил нескольких сотрудников, в том числе Веру, в Ассоциацию содействия содружеству стран и народов Кавказа. Эта Ассоциация стала учредителем и издателем междуна-

родной еженедельной газеты «Наш Кавказ». Свою задачу редакция видела в том, чтобы знакомить читателей с наиболее важными событиями на Кавказе, содействовать деловому, научному, культурному сотрудничеству кавказских народов – поэтому газета и называлась «международная». Для подготовки первого номера сотрудники были командированы в разные кавказские республики. Вера, в частности, ездила на Северный Кавказ. В феврале 1991 года вышел пробный – и, кажется, единственный номер газеты. Затем ее издание прекратилось вследствие известных политических событий на Кавказе. Сама Ассоциация просуществовала несколько лет – ее сотрудники занимались версткой различных газет, изданием

полиграфической продукции. Ведь у Ассоциации была отличная для того времени материально-техническая база. В последующие годы Вера печаталась в газетах и журналах Тбилиси и Москвы – заполучить автора такого уровня были рады многие издания».

Как вспоминает Вера, несмотря на активную работу в грузинской прессе, ни в советское время, ни после развала Союза ее связь с Москвой не прерывалась. Писать о грузинской культуре для нее всегда было одно удовольствие. Вера в течение многих лет сотрудничала с крупнейшими российскими изданиями – такими, как журналы «Театр», «Театральная жизнь», «Петербургский театральный журнал» и другими.

А когда Вера Александровна только приехала в Грузию, Роберт Стура и Темур Чхеидзе еще были молодыми режиссерами и ставили в театре Руставели, театральные курсы Михаила Туманишвили на ее глазах превращался в Театр киноактера, Союз художников разворачивал выставки, грузинское кино гремело по всему Союзу. Вера ходила на спектакли, сидела на репетициях, бывала на съемках и в мастерских художников. Творческая жизнь вокруг кипела и бурлила, а творческая свобода поражала. О возвращении в Москву уже не было речи.

«Для меня открылся новый мир, который мне казался гораздо шире и интереснее московской культурной жизни, – рассказывала Вера. – Там было все задавлено тисками офици-

оза и строжайшей цензуры. Никогда не забуду, как после отправленной мной в московский журнал статьи, звонит заведомом, моя приятельница по ГИТИСу, и по-свойски выдает: «Вы что там в Грузии – все с ума походили? Стура ставит, что хочет, а ты пишешь, что видишь?!»

Для художников Грузии настоящим раем был Сухуми. В конце 70-х - начале 80-х там был творческий бум – и среди художников, и в литературно-театральных кругах. Волны творческих новаций буквально захлестывали. Какая там была замечательная художественная школа Табукашвили – их андерграундные выставки могли дать фору московским! Но если в Москве это кончалось бульдозерами, то в Грузии, вдали от кремлевских башен и зоркого ока ЦК КПСС, можно было жить свободно – «пока КГБ отдыхает на пляже», как шутили сухумские художники. «Если выпало в империи родиться, лучше жить в провинции у моря» – это на все времена. Но, конечно, зоркое око отдыхало не всегда. Так, в Тбилиси будущий призер Эдинбургского фестиваля – спектакль Стура «Ричард III» был разрешен только с третьего раза, когда его лично посмотрел тогдашний Первый секретарь компартии Грузии Шеварднадзе и дал «добро». У руставелевцев шли «Синие кони на красной траве» Шатрова, а когда его привезли в Москву, там показывать не разрешили. С фильмом «Покаяние» тоже было непросто: Шеварднадзе поехал на дачу к Горбачеву, который отдыхал в Пицунде,

Сергей Параджанов, Софи́ко Чиаурели, Верико Анджапаридзе и Котэ Махарадзе

показал ему этот фильм, они поговорили, и только тогда было дано добро. И картина вышла на экраны. И все же меня поражала свобода творчества в Грузии.

Я работала, ездила в командировки по всей Грузии – от гор до моря. И эта страна стала такой близкой, понятной, хотя всегда неожиданной и интересной. Конечно, и работа в редакции, и командировки были возможны благодаря помощи домашних. Потом у нас родилась дочь Тамрико, и жизнь стала еще полнее. Дети от рождения были двуязычными – все с ними говорили по-грузински, а я по-русски. Мы их отдали в грузинскую школу, многие даже удивлялись этому, ведь тогда русские школы считались престижными. Но я хотела, чтобы у них был грузинский круг общения, чтобы они выросли в эту почву. Когда после окон-

чания грузинского отделения Политехнического института сын начал там же преподавать, но в русской группе, его студенты удивлялись, как чисто он говорит по-русски. А дочь после грузинской школы поступила в Москве в университет, и там ей пригодился грузинский язык на лекциях по лингвистике – преподаватель просил ее демонстрировать студентам горловые звуки и прочие тонкости грузинского произношения. Так случилось, что и у детей, и у меня оказалось две родины, два родных дома – в России и в Грузии. Летом мы всей семьей ездили в отпуск в Москву, жили то у нас дома, то на даче у сестры, и мои родители, сестры, друзья очень ждали нас. Наш московский дом был всегда открыт для гостей из Тбилиси, а тбилисский – для друзей из Москвы. Коллеги шутят: «Работаешь мостом между Россией и Грузией?» Так оно остается и по сей день. Если даже страшные 90-е годы с бронетранспортерами и стрельбой на тбилисских улицах, с ночными очередями за хлебом, с железными печками и свечами вместо лампочек не вытолкнули нас из Тбилиси, то сейчас и подавно. Почему мы не уехали? Не знаю. Наверное, потому что «хорошо там, где нас нет».

В Грузии Вера сблизилась со многими деятелями грузинской культуры, обрела огромное число друзей! Подружилась с Верико Анджапаридзе, Софи́ко Чиаурели, Котэ Махарадзе, Темуром Чхеидзе и многими другими знаменитостями... Софи́ко Чиаурели хотела, что-

Софиико Чиаурели, Константин Церетели-младший и Вера Церетели

бы Вера стала ее биографом. «Но мы слишком дружили с ней и с ее мамой. И потом, некогда было. Я очень много работала, невозможно было сосредоточиться только на написании книги», – вспоминает Вера.

ПРОВЕРКА НА ПРОЧНОСТЬ

90-е годы внесли изменения во все сферы жизни. Многим семьям, особенно – смешанным, пришлось пройти проверку на прочность. Так сложилась судьба, что Вера и ее родные были с Грузией и в мирные, благополучные годы, и в период трудных испытаний – и в радости, и в беде.

Позднее Вера Александровна вспоминала: «Во время Гражданской войны простреливался весь Тбилиси, мы бегали на работу по широкой пустынной улице, перекрытой бронетранспортерами. На новый, 1992 год, горел весь центр Тбилиси. Под ногами вместо снега – слой пепла, кругом грохот выстрелов, мы у себя дома на лоджии собирали гильзы. А еще ночные очереди за хлебом, в домах холод, нет света и газа, на паркете железные печки и дрова, свечи вместо лампочек...»

В тот период Вера начала сотрудничать с «Радио Свобода». Ее голос – вот когда вновь пригодились актерские навыки – вещал о том, что происходило в стране, как Грузия жила и выживала. Приведем две публикации Веры Александровны – бесценный документ времени... как говорится, ни слова не убавить и не прибавить. Они, разумеется, выходят за рамки культурной тематики – это точные, беспощадные зарисовки, сделанные несколькими штрихами безупречной словесной графики...

Наш маленький тупичок...

Вера Церетели. «Радио Свобода», июль, 1993 года

«Тупичок искусств» – есть такой молодежный клуб в Москве. Остроумное название. Главное, отражает суть времени. Грузинского тоже. Не успели выбраться из «совка», как попали в «тупичок». Особенно умиляет ласкательная форма. Тупик – это бесповоротно, убийственно. В тупич-

ке как-то уютнее. Вот и сидим. Не в одном большом «совке», а каждый в своем маленьком тупичке.

Не знаю, как в других, а в грузинском тупичке жизнь какая-то непонятная. За что ни возьмись – ничего нет. Было, и нет. Не о полузабытой еде речь, к этому нас приучали постепенно. Уже почти привыкли. Но все остальное исчезло как-то разом. Например, такое давнее понятие как «театральные вечера». Было, всю жизнь было. А теперь нет. С декабря 91-го. Когда бывший президент сидел в бункере, а проспект Руставели – средоточие культурной жизни – простреливался насквозь. Ярким пламенем горел Дом художника, что напротив Дома правительства, пылала Первая гимназия, где в свое время учились Сумбатов-Южин, Немирович-Данченко, Котэ Марджанишвили. Рядом горел и Институт искусств с его уникальными рукописями. Чудом уцелел недавно отреставрированный театр им. Шота Руставели, хотя примыкавшая к нему гостиница «Тбилиси» горела два дня.

Но в начале 92-го было не до театров. По холодным, покрытым слоем пепла улицам, безбоязненно гуляли только слухи. Лишь с апреля затеплилась жизнь. Появились прохожие и даже афиши. Но все понимали, что вечером выманить людей из дома не удастся, даже если на Тбилиси обрушится звездопад западных звезд. Но ничего не обрушивалось, кроме выстрелов, и решено было перенести все мероприятия на дневное время. С тех пор так оно и

повелось. И по сей день. Читаешь на афише: «Вечер народного артиста Грузии Гоги Гегечкори. Начало в 13 часов» – и ничего. Даже не смешно. И так, с «вечерами» все ясно. А чтобы не отрывать людей от работы в дневное время, концерты и спектакли проводились обычно в выходные дни, иногда прихватывая и пятницу. Правда, с увеличением светового дня начало некоторых мероприятий сдвинулось аж к 17 часам.

К отсутствию отопления в театральных залах тоже привыкли. Этой зимой зрители сидели в пальто и меховых куртках, а особенно мерзлявые потихоньку натягивали шапки и перчатки. Постепенно в этом и свои плюсы обнаружили – женщинам перед театром не надо бегать в парикмахерскую, да и переодеваться в выходной костюм не обязательно. Зрителям что, а вот какво актерам?

Что ж, зиму пережили. Несмотря ни на что в Тбилиси и премьеры выпускались, и актерские вечера проходили, и музыкальные концерты. Люди соскучились по нормальной человеческой жизни. Кстати, на афишах как никогда преобладал лирико-развлекательный жанр. Купоны и стоны, тупики и проблемы, военные сводки и траурные объявления – сплошная беспросветность. Люди устали. От всего. Главное – от бесперспективности.

Потому, наверное, такое количество комедий и «снов» в театрах. Шекспировский «Сон в летнюю ночь» Туманишвили в Театре киноактера – изящный и изысканный. Это сон о былой гармонии, которую еще

Вера Церетели за кулисами. 1990-е гг.

не успели забыть. И сразу два «Сна» на руставелевской сцене у Роберта Стуруа: его «Жизнь есть сон» Кальдерона и «Рождественские сны» по Диккенсу – спектакль молодых режиссеров под руководством Стуруа. Оба спектакля с ирреально-добрыми – «святочными» финалами.

Думаете, совпадение названий? Да, совпадение. Но не столько внешнее, сколько внутреннее. Нас пытаются утешить. И мы с упоением поддаемся обману – «обманите меня, но совсем, навсегда...» Срабатывает психологическая самозащита. Но это уже проблемы социологов.

Мы же только можем удивляться – откуда люди берут силы для творчества? Оно, творчество, несмотря ни на что, живо. Из тупичков и тупиков мы ищем выход. Но не в действительности. Может быть – в духе?»

Бархатный сезон-93

Вера Церетели. «Радио Свобода», ноябрь, 1993 года

«Сентябрь-октябрь в Грузии – традиционный бархатный сезон. Щедрые дары южной осени, ласковое Черное море. Боже мой, как давно все это было. Сегодня вместо толп праздных отдыхающих – толпы беженцев. Вместо ярких афиш – списки погибших и без вести пропавших.

Война постепенно докатывается и до Тбилиси. Нет, Гамсахурдиа, грозивший пойти на ненавистный, изгнавший его город, пока не штурмует его... Но тень войны легла на Тбилиси. Хмурые взгляды, озабоченные лица. Состояние общей подавленности висит в воздухе и давит почти физически. Во что оно материализуется?

Тбилиси 90-х

Культурная жизнь, не успев начаться в новом сезоне, замерла. Каким-то чудом, вероятно, под наркозом сочинского перемирия, успели пройти два международных фестиваля: кинофестиваль «Золотой орел» и музыкальный фестиваль «Осенний Тбилиси». Они задумывались в надежде на мирную жизнь, но, по иронии судьбы, пришлось на самые страшные дни войны в Абхазии. По счастью, фестивали успели закончиться до падения Сухуми. Горечь поражения и ощущение полнейшей безысходности не коснулись их. Они коснулись только нас.

Это был единственный всплеск культурной жизни нового сезона. Мертвого пока сезона. Музы молчат. До конца октября не начал работать ни один крупный тбилисский театр – спектакли идут только в детских театрах. Да еще непостижимым образом действует Тбилисский

музыкальный центр – там проходят концерты симфонической музыки. Практически для избранных. Что самое удивительное, их набирается полный зал.

Конечно, нельзя сказать, что театры наглухо закрыты: идут репетиции, готовятся к выпуску премьеры. Некоторых из них даже ждут.

Например, «Доброго человека из Сезуана» режиссера Роберта Стурау. После прошлогоднего призрачно-зыбкого Кальдерона с фантастическим «хэппи-энд» в «Жизнь есть сон» режиссер обратился к трезвому, безжалостному Брехту. Знаменательно и малоутешительно.

Достаточно красноречивы названия и других будущих премьер – «Родина» в театре Марджанишвили, «Распутин» в русском театре имени Грибоедова.

Позже, после утешительных «снов», комедий и абсурдистских

пьес прошлого сезона, мы приходим к осознанию жестких реалий жизни.

А пока, как и полагается по законам военного времени, заведения, предназначенные для увеселения, используются по иному назначению.

В Государственной филармонии – самом большом зале города проходят собрания граждан Тбилиси. Дом шахмат давно стал местом сбора военных. Цирк, живописно возвышающийся над Курой, еще так недавно сиявший огнями афиш, стал пристанищем горя и отчаяния. Здесь – пункт регистрации беженцев. В фойе цирка прямо на полу лежат груды теплой одежды. Со всех концов города ее приносят сюда тбилисцы.

При виде людей, потерявших все, становится неловко за собственное, хотя и относительное, благополучие. Подходит женщина лет тридцати, вся в черном, спрашивает, нет ли детской одежды: она осталась одна с тремя детьми, мужа-грузина убили выстрелом в спину у нее на глазах.

«Бог им это простит?»

Что ей можно ответить?

Вот он, тбилисский бархатный сезон 93-го. Мы его запоем на долго».

«У ПОЛИТИКИ И ТЕАТРА ОСНОВА ОДНА – ИГРА»

Сама жизнь, ее новые, жесткие реалии заставили Веру Церетели расширить тематику ее публикаций (хотя она и в ранние годы не ограничивала себя культурой). В 90-е годы она становится собкором московской «Общей газеты», придерживающейся либеральной политической ориентации. Ее возглавлял известный журналист Егор Владимирович Яковлев. На страницах «ОГ», газеты «Культура», с которой Вера связана многолетним плодотворным сотрудничеством, она освещает беспокойную, постоянно меняющуюся общественно-политическую ситуацию в Грузии, в 1991 году обретшей независимость и переживавшей в тот период сложный, драматичный, а подчас и трагичный период становления.

Но даже затрагивая политические проблемы, Вера находит в своих публикациях пересечения политики и театра и нередко использует лексику, характерную для материалов о культуре. Название одной из Вериных статей, напечатанных в газете «Культура» под рубрикой «Экспертиза», – «**Грузия в политическом театре**». В ней автор скрупулезно, всесторонне и бес-

пристрастно, а главное – со знанием дела анализирует ситуацию кризиса российско-грузинских отношений. И при этом подчеркивает, что «у политики и театра основа одна – игра» («Культура», 29 марта 1997 г.).

В обзорной статье «Демаркационная линия прошла по семьям» («АиФ – Тбилиси», №17, 2001 г.) Вера коснулась одной из наиболее болезненных тем – введение полномасштабного визового режима между Россией и Грузией. И она вновь очень детально рассматривает нерадостные перспективы этого политического решения, прежде всего, для простых людей, представителей смешанных семей.

Со временем в Грузии актуализировалась проблема сохранения русского языка. Вера Церетели не могла не реагировать на новые тенденции – как журналист, как русский человек, как представитель смешанной семьи. Так, на страницах газеты «Культура» (№6, 1999 г.) появилась ее публикация на эту острую тему «Грузинские дети считают по-английски. Горький привкус сладкого слова». Приведем фрагмент из этого материала, который можно считать образцом логического мышления и публицистического стиля:

«Русский язык уходит из Грузии, хотя до этого было 200 лет единого пространства – языкового в том числе. Вся грузинская интеллигенция, просто образованные люди, были двуязычными. Сейчас все изменилось. Русский уходит на бытовом уровне, так как во времена Гамсахурдиа начался массовый «исход»

из Грузии русскоязычного населения и русских.

Уходит русский язык и из образовательной сферы – в начале 90-х на гребне национальной волны были уничтожены многие русские школы, а русский язык был провозглашен имперским. Родители спешили перевести своих детей в грузинские школы. Одни из патриотизма, другие из страха, чтобы не назвали врагами нации. Число русских школ, естественно, стало сокращаться. Сначала их делали русско-грузинскими, а потом они плавно становились грузинскими.

Когда квасной патриотизм исчерпал себя, явного выдавливания русского языка уже нет, русские школы остались, среди них есть и престижные. Русский не изъят из школьных программ грузинских школ, но обязательным его не назовешь, дети им практически не владеют. В вузах русский язык приравнен к иностранному, хотя русские группы сохранились. Но для многих, особенно для среднего и старшего поколения, он остается необходимым в культурной, духовной и образовательной сферах. К тому же на сегодняшний день русский язык обладает максимальным информативным могуществом. Ведь научной, технической, специальной литературы на грузинском языке практически не существует, и в ближайшее время она не появится. До поголовного владения английским еще далеко. Поэтому с практической точки зрения сразу отбросить русский язык явно нецелесообразно. На территории Грузии

проживают 440 тысяч армян, 310 тысяч азербайджанцев, около 80 тысяч русских и представители других национальностей. Языком межнационального общения по-прежнему остается русский. Не надо забывать и о сложной политической ситуации внутри Грузии, где существует Южная Осетия, где до сих пор не разрешен конфликт с Абхазией. Кстати, там государственным языком признан абхазский. Трудно себе представить, чтобы при нынешних напряженных отношениях абхазы заговорили по-грузински. Когда-то, возможно, это и будет. Но не сегодня и не завтра. Говорить с автономиями Грузии приходится на русском, он по-прежнему остается популярным в районах с негрузинским населением. Теоретически существующий вопрос о введении в Грузии второго государственного языка – русского – сегодня абсолютно нереален. Национальное самосознание не готово к этому. Не только в отношении русского языка. Никакой второй язык в качестве государственного сейчас в Грузии невозможен. Комплекс зависимости страны еще не изжит.

Хорошо, если русский язык понадобится в Грузии пусть и не на официальном уровне. Сегодня и это проблематично. В Тбилиси и других крупных городах конкурентом русскому становятся английский, немецкий. Свято место пусто не бывает. Маленькая страна не может ограничиться лишь своим национальным языком. И как бы ни хотелось патриотам, чтобы весь мир говорил на их родном наречии, этого никогда не

Вера Церетели

будет. Нужен язык международного общения. До недавнего времени им, бесспорно, был русский, в исключительных случаях – английский. Но исключение становится правилом. Здесь уже замешана большая политика. Это раньше солнце над Грузией всходило с севера. Но длительные трения между Россией и Грузией развернули стрелку компаса на Запад, и это, бесспорно, сыграло не последнюю роль в вытеснении русского языка.

Наступило время прагматиков. А диктат обстоятельств, увы, не в пользу русского. Он перестал быть лидирующим в образовательной сфере, ведь грузины не могут учиться в России – для стран СНГ бесплатного обучения в российских вузах уже нет. Следуя веяниям времени, родители предпочитают обучать детей более перспективным европейским языкам. В нашем дво-

Александр Сватиков, главный редактор журнала «Русский клуб», с Верой

ре играющие в мяч дети, чтоб блеснуть перед другими, кричат «yes» и считают по-английски. Русский язык, вероятно, за ненадобностью, постепенно уходит из тбилисского быта. И это естественный процесс. Значительно легче отправиться учиться в Америку, в Европу, в Германию, где бесплатное образование, – куда угодно, только не в Россию. Равноправным становится любой иностранный язык, на котором можно получить высшее образование. И в перспективе в странах СНГ теоретически приоритет может быть отдан любому языку – тому, который будет более необходим. Рыночные отношения вступили в свои права и здесь. Хотя, конечно, трудно себе представить, чтобы внутри Грузии армянские, азербайджанские и грузинские села заговорили между собой на английском. Даже если такое случится, что абсолютно невероятно, то зачем при этом терять русский язык? Чем богаче языковой спектр страны, тем лучше. И не надо искусственно и насильственно вытеснять какой бы то ни было ино-

странный язык. В первую очередь русский, потому что сегодня он необходим всем. Не надо вытеснять и европейские языки – они точно так же нужны...»

Невзирая на растущие противоречия, Вера неустанно продолжает выстраивать мосты и искать точки пересечения. Хотя бы в лице... Александра Сергеевича Пушкина. В своей публикации на страницах «Комсомольской правды» «Пушкин – это наше все», посвященной вечеру в Российском посольстве, Церетели подчеркивает, что великий поэт «и сейчас в поте гранитного лица работает мостом между Россией и Грузией» как единственный непрекращаемый авторитет для обоих независимых государств» («Комсомольская правда в Грузии», 21 февраля 2001 г.).

Со дня создания в 2005 году и по сей день Вера входит в редакционную коллегию журнала «Русский клуб», учрежденного международным культурно-просветительским союзом «Русский клуб» (не говоря уже о том, что она – член правления этой организации). Ее материалы много лет украшают это общественно-художественное издание, что вполне закономерно. Ведь журнал, как и другие проекты «Русского клуба», ставит перед собой целью сохранять и приумножать богатые традиции дружбы, добрососедства, культурного взаимовлияния между народами России и Грузии, и эта миссия неocenима!

Еще два интересных факта из CV Веры Церетели: она лауреат между-

народного конкурса журналистов стран СНГ и Балтии «Русский мир-2004». Как искусствовед, сотрудничает с грузинским изданием «Кто есть кто в грузинском современном искусстве».

«ДИАЛОГ ЧЕРЕЗ КАВКАЗСКИЙ ХРЕБЕТ»

Вера Александровна, вероятно, чувствуя недостаточность опубликованного слова, начала искать другие пути преодоления межгосударственных и межнациональных проблем. К примеру, в 2004 году провела российско-грузинский семинар «Молодежь и социальное обновление общества» с участием политологов, правозащитников, философов, представителей общественных организаций, выступила в качестве автора и координатора резонансного многоступенчатого международного проекта «Диалог через Кавказский хребет» — искала пути сближения двух одинаково дорогих ей стран — России и Грузии.

По окончании конференции Вера Макарова-Церетели проанализировала ее итоги в материале «**Надо отползть от пропасти**». Конференция — искусство возможного». Приведем отрывок из публикации:

«Кто владеет информацией, тот владеет миром» — даже если в этом

постулате сквозит некоторое преувеличение, то все-таки есть доля истины. Потому конференция российских и грузинских журналистов «Россия и Грузия — диалог через Кавказский хребет», начавшаяся в преддверии кишиневского саммита, не прошла без внимания, к ней было обращено личное приветствие президента Грузии, а в работе конференции активно участвовал вице-спикер парламента Эльдар Шенгелая.

Конференция по чистой случайности пришлось на самый пик противостояния двух стран, а после заявлений 11 сентября и вовсе была под вопросом — приедут ли российские журналисты, не побоятся ли? Тем более что список российских журналистов включал в себя очень известные имена и влиятельные издания. Не побоялись, прибыли. Многие из них не раз бывали в горячих точках, в том числе в Чечне. Согласитесь, после Грозного Грузия кажется райским уголком. Тем более, что рабочие заседания проходили и впрямь в райских куцах Ликани, посреди уникального парка, рядом с резиденцией императорской семьи Романовых. По наследству дворцом пользуются все последующие главы государств — Сталин, Шеварднадзе.

На второй день гости, оторвав полчаса от конференции и обеда, пошли на экскурсию на островок родины. Любовались стильным интерьером, осмотрели резной стол, собственноручно изготовленный Петром Великим без единого гвоздя, потрогали гвоздь для фуражки, собственноручно забитый Сталиным в

полированный торец другого стола, снизу вверх смотрели на легендарную малахитовую сову, о которой Сталин говорил «Сова на месте» (ее, нечаянно разбитую, реставрировали за одну ночь специально перед приходом вождя). Досконально осмотрев здание и интерьеры, гости были польщены сообщением, что заключительный банкет будет накрыт в гостинной дворца.

...В Москве мы реализовывали свой первый проект «Россия и Грузия – пути сближения». Вместе с российской неправительственной организацией «Конверсия и женщины» мы проводили семинар, где собрались НПО России и Грузии, члены Госдумы РФ и парламента Грузии, и тогда стало ясно, что связи возможны только на негосударственном уровне. В дискуссиях представителей НПО и возникла идея проведения конференции российских и грузинских журналистов, там люди ясно понимали, что образ

врага, возникавший из СМИ обеих стран, – явление не случайное, негативные стереотипы специально насаждаются определенными политическими кругами. Тогда уже витало в воздухе, что дальнейшее противостояние двух государств может привести к катастрофе. Грузия в российских СМИ обрастала мифами, это мифотворчество с обеих сторон доходило иногда до абсурда. Как говорили сейчас на конференции, главная проблема российско-грузинских отношений – полное отсутствие доверия, потому что реальные факты заменялись тем, что выгодно политикам. Заявления высокопоставленных чиновников подхватывались СМИ обеих стран, интерпретировались, как и кому вздумается, и этот снежный ком грозил обрушиться лавиной.

В обострении обстановки СМИ сыграли не последнюю роль. Явно сказывался дефицит объективной информации, которая иногда просто

недоступна для журналистов. Надо было искать новые источники информации и устанавливать прямые каналы связи между журналистами двух стран, чтобы можно было уточнить и проверить информацию, идущую с лент официальных информационных источников. Содействие прекращению информационной войны и являлось главной задачей конференции.

На конференции, как и положено, обсуждался широкий круг вопросов – от политических до культурологических. Что касается политических аспектов российско-грузинских отношений, то официальную точку зрения было у кого спросить, в зале все заседание сидел Эльдар Шенгелая, и ему пришлось не так-то легко... Журналисты искали ошибки руководства своих стран и преуспели в этом – промахи для всех лежали на поверхности. И радужных сдвигов и перспектив никто не видел. Этому обсуждению не было бы конца, если бы кто-то из гостей не сказал: «Поздно говорить об ошибках, пора искать выход. Надо отползть от пропасти».

Как положено приличным людям, от поиска соринки в чужих глазах (т.е. властных структур) перешли к осознанию бревен в собственных информационных очах. Тут тоже было о чем поговорить – о журналистской этике, о появлении нового жанра – публикаций телефонных разговоров, хотя это запрещено законом, но больше всего – о технологии дезинформации («такое ощущение, что все информации готовятся в одном здании»), кого и каким об-

разом обслуживает «деза», как происходит «слив негатива» и как это влияет на общественное мнение. Говорили и о том, что журналистская братия все больше по верхам летает, никто не хочет разбираться во внутренних мотивах людей. Жестко ставился вопрос о том, что условий для проверки информации реально не существует, и постепенно журналисты отказались от этого». (Источник: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/29441/> © Кавказский Узел).

Но дальнейшие события только еще больше осложнили двусторонние отношения. Особенно война 8 августа 2008 года. Как говорила Вера в одном из интервью, «война в Цхинвали перевернула все. Произошло некое крушение сознания. Политики заваривают кашу, а расхлебывают ее простые люди. Эта война еще долго будет напоминать о себе, а ее последствия отзываться на человеческих судьбах».

И далее: «Сильно подпортил связи визовый режим. Когда перестали выдавать визы, и вовсе стали жить за железным занавесом – муж не мог приехать в Россию на рождение второго внука. Фантастика, да и только! Как быть теперь смешанным семьям? Учиться жить порознь? А молодым прежде чем влюбляться, сначала выяснить, какие у человека гражданство, национальность и вероисповедание? Каково ездить через третьи страны? Пересадки и многочасовые ожидания в аэропортах разных стран стали уже нормой. А ведь всем нам, в том числе оставшимся в Грузии русским, хо-

Котэ и Тамрико Церетели

чется свободно пересечь границу и приехать в Россию к детям, внукам, друзьям. Скучать в Тбилиси некогда, москвичи к нам и сейчас часто заглядывают – родственники, друзья, журналисты – для них-то въезд в Грузию свободный. Взял визу в аэропорту – и гуляй себе. Зато в Москве гости из Грузии уже большая редкость.

Политики ясно дали понять, что смешанные браки крайне нежелательны. Наверное, опрометчиво поступила наша русская невестка Романова, что вышла замуж за нашего сына – уроженца Москвы с фамилией Церетели. Правда, тогда она еще не знала, что грузины могут оказаться для России виновниками всех бед. И хорошо, что не знала, а то вдруг передумала бы идти с грузином в ЗАГС, и не подарила бы нам сначала одного замечательного внука, а потом и другого. Мне теперь остается только мечтать, чтобы визовый занавес хоть немного приподняли, и мой муж мог бы свободно полететь в Москву к нашим детям и внукам. И совсем хорошо

было бы лететь прямым рейсом. Почему и тем, и другим политикам так ненавистно само словосочетание Тбилиси – Москва? Хотя бы на доске объявлений в аэропорту. Как, оказывается, приятно было когда-то приехать в аэропорт и слышать по радио: «Внимание! Объявляется посадка на самолет, следующий рейсом 936 по маршруту Тбилиси – Москва». Что имеем – не храним, потерявши – плачем» (из материала «Выйти замуж за грузина»).

Вот такой крик души! И все-таки жизнь продолжается. Прежде всего, в детях, внуках, которые, как мы надеемся, будут жить в другой, здоровой международной политической атмосфере. Об этом мечтают Вера и Котэ Церетели. Их дети живут и работают в Москве. Сын Константин унаследовал от родителей технический склад ума и стал программистом. Воспитывает двух сыновей. И если старший внук Веры Николай увлечен математикой, то младший Петр уже проявляет интерес к театру. Успешно складывается судьба у дочери Тамрико. Она по профессии этнолог, работает в газете «Культура», продолжая дело матери. У нее талантливое перо журналиста, отличное чувство стиля, формы. Работа не мешает ей быть и прекрасной мамой – дочери Нине четыре года...

Невзирая на все перипетии судьбы, Вера Александровна – счастливый человек. В ее жизни было и есть все, что делает человека по-настоящему счастливым: дорогой человек рядом, чудесные дети и внуки, любимое дело жизни, про-

фессиональная реализованность. Что остается пожелать Вере? Здоровья, здоровья и еще раз здоровья. И долгих лет...

О ВЕРЕ – ДОЧЬ, ДРУЗЬЯ, КОЛЛЕГИ

Тамара Церетели, этнолог, корреспондент газеты «Культура»:

– Сколько себя помню, мама все время что-то придумывала – заголовки для статьи, «заход» к тексту, рецензию на спектакль... Из-за чего мне казалось, что писать тексты – настоящая каторга. Когда я сама ступила на ту же тропу, поняла – не только каторга, а сущее наказание, на которое почему-то идешь добровольно. Мама шла не просто добровольно, но с какой-то обреченной радостью – не работать она не могла. Писала о том, что «задевало», – не только о спектаклях, но о кино, живописи, вообще об искусстве. А потом, в отчаянные 90-е, обо всем: о конце света, то есть электричества; о гражданской войне; о театре – теперь уже политическом. Или просто о жизни. И получались маленькие эссе, которые мне кажутся такими легкими, изящными, лишенными холодной, отстраненной рациональности, но очень человеческими, эмоциональными. Мама как раз такая и есть – все перечисленное это не только про тексты, но и

про нее. Особенно эмоциональность – наверное, сказывается, актерское прошлое. Кстати, именно благодаря ему у мамы получались столь неординарные рецензии на спектакли: это взгляд не только теоретика, но и практика, знающего театральную кухню изнутри.

Мамино актерское прошлое удивительным образом отразилось и на мне. Классе в четвертом в нашей грузинской школе учительница русского языка, отчаявшись призвать к порядку оболтусов, с трудом говорящих на великом и могучем, потребовала, чтобы мы каждую неделю учили наизусть какое-нибудь русское

**Котэ Церетели-старший,
Вера и Тамрико**

стихотворение – любое, на выбор. Иначе – двойка. Деваться было некуда, все стали зубрить. Я тоже. И тут в процесс моей подготовки включилась мама, потому как поэзия – ее стихия. Она подбирала мне «репертуар»: начиналось все с канонических Пушкина и Лермонтова, затем мы перешли к маминему любимцу Тютчеву, потом переключились на Блока, Гумилева, естественно, Мандельштама, Пастернака, и, наконец, дошли до главного поэта в жизни мамы – Цветаевой. Но одним репертуаром дело не ограничивалось. Как любящая актриса, мама не переносит невнятной речи, бормотания, а уж «отбарабанишь» при ней стихотворение – верный путь поставить на себе крест как на личности... В итоге к каждому уроку по русскому мама готовила меня, как к вступительному экзамену в театральный вуз. В ходе кухонных «репетиций» мы тщательно отработывали будущее выступление, и я послушно повторяла мамини интонации. В результате бедная учительница поверила в то, что перед ней – настоящий вундеркинд. Меня таскали по всей школе – декламировать стихи. Взрослые с умилением утирали слезы, представляя мое большое артистическое будущее... А я ведь просто-напросто имитировала интонации мамы. Надо сказать, ее «прочтение» той же Цветаевой мне и сегодня кажется самым точным. И не только мне: когда мама была актрисой, ей предлагали сделать программу со стихами Цветаевой. Но мама не решилась, о чем потом жалела.

В молодости маму полушутя называли «Вер Санной» – техникумовские друзья до сих пор ее так именуют. А с возрастом мама превратилась в «Верочку», и никакой шутки тут уже нет. Называли ее так и сверстники, и люди младше. Мой брат, побывав в «Интерньюсе», с которым мама сотрудничала, смеясь, рассказывал: молодые журналисты за глаза говорили о маме, как о «Верочке», а когда она появлялась, обращались к ней «калбатона Вера». Мамин крестник, сын ближайшей подруги (естественно – техникумовской), теперь уже взрослый серьезный человек, до сих пор называет маму «тетей Верочкой». Это ласковое обращение говорит о многом – и о самой маме, и об отношении к ней окружающих. И, может, даже рассказывает еще об одном свойстве мамы – подкупающей искренности, иногда переходящей в беззащитность.

Наталья Каминская, театровед, редактор-составитель журнала «Сцена»:

– Когда Вера бывает в Москве и набирает мой номер телефона, первый ее вопрос: «Что интересного в театре, что посмотреть?». Театровед Вера Церетели, как бы плотно ни были расписаны ее московские дни, как бы они ни были заполнены многочисленными житейскими хлопотами, должна посмотреть спектакли. Куда ж без них?

В ее текстах, свободных, легко читаемых, лишенных зауми, но вместе с тем безупречно профессионально оснащенных, заметна шко-

Наталья Каминская

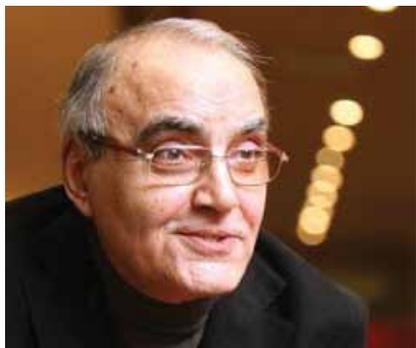
ла. И практика, конечно. Практика тех лет, когда рецензирование было почетным и необходимым видом деятельности, а газеты и журналы нуждались в рецензентах. Вот это сочетание доступности языка (пусть прочтут как можно больше потенциальных зрителей) и острого взгляда профи с самого начала отличало Верины тексты. Роскошный русский язык (он у нее и в разговорной речи роскошный, а еще и чуть-чуть сдобренный грузинской «приправой», легким и обаятельным... даже не акцентом, а некой, благоприобретенной фонетической особенностью) и скрупулезный разбор спектакля, и точные замечания, и острый, хотя и незлой взгляд. Выйдя замуж за грузина и взяв аристократическую фамилию Церетели, русская Вера стала классическим примером единения двух очень близких друг другу народов. Примером того, что стремительно истончается, по чему так тоскуют старшие и что уже плохо понимают молодые. Вере повезло – ее активная профессиональная жизнь пришлось на эпоху выдающе-

гося театра и в России, и в Грузии. Вероятно, поэтому, переехав в Тбилиси, она так легко вписалась в новый художественный ландшафт – и театральное поле еще было общим, и критический инструментарий примерно один и тот же. Но с наступлением новой эпохи Вера тоже не потерялась – благодаря широте взгляда, природному юмору, стойкости характера и умению принимать новое, незнакомое, не цепляясь за старые привычки. Она не просто писала тексты, отслеживала процесс не только из кресла в партере, но ходила на репетиции, участвовала в проектах и даже организовывала их. Именно она стала в новую эпоху автором и координатором многоступенчатого проекта «Россия и Грузия: диалог через Кавказский хребет», соединяла то, что рвалось, принимала участие в издании книг, в дискуссиях и обсуждениях, отслеживала, вербовала в союзники.

Годы не делают ее закостеневшей. Эта ее чуть ироническая, мягкая и обаятельная улыбка – вот такое лицо критика в зрительном зале не только не пугает режиссеров и актеров, оно – желанно, его хочется видеть у себя почаще. А нам, российским редакторам и критикам, хочется читать новые Верины тексты, в которых тоже проявлено ее лицо – умное, дружески расположенное и открытое.

Темур Чхеидзе, режиссер, народный артист Грузии и России:

– Верочка всегда очень живо интересовалась всеми театрами, самыми разными направлениями

Темур Чхеидзе

и стилями, жила этим. Для нее не существовало препятствий – женщина-огонь! Она любит обсуждать спектакли с режиссерами, даже если и не планирует писать о них. Но ее, как правило, увлекает сам процесс детального обсуждения – это всегда было полезно и необходимо и ей, и нам. Она умеет заглянуть вглубь, увидеть в спектакле даже то, что режиссер, возможно, и не вкладывал. И языковой барьер никогда не был для нее препятствием в театре. Наоборот – может это и помогает ей иногда вычитать внутренние, скрытые смыслы. Иногда я даже предлагал ей перевести спектакль, но Вера отказывалась... У ее мыслей особый темпоритм! И они всегда интересны, неожиданны, порой парадоксальны. Мы с Верой давние друзья, хоть в последнее время и редко общаемся.

Кети Долидзе, режиссер, актриса, художественный руководитель Тбилисского международного фестиваля искусств имени М. Туманишвили «Gift»:

– Вера Церетели верой и прав-

дой на протяжении многих лет служила и служит грузинскому театру, грузинской культуре. Всегда искренняя, доброжелательная. Большинство критиков считают, что нужно обязательно проявлять жесткость в оценках, что доброжелательность для настоящего критика – чуть ли проявление слабости и непрофессионализма. Но Вера своим примером опровергает этот предрассудок: она всегда была доброжелательным зрителем и театроведом. Когда Вера Церетели идет в театр, то изначально нацелена на то, чтобы увидеть хорошее, вдохновиться, а не развенчать создателей спектакля. Доброта,

Кети Долидзе

присущая Вере от природы, определяет весь уклад ее жизни, взаимоотношения с людьми, стремления и цели. Доброта очень ощутима и в ее профессии. При этом Вера обладает глубокими знаниями, прекрасно владеет предметом. И ее всегда интересуется индивид, в котором она, как правило, находит всю ту же доброжелательность. Вера Церетели никогда не пойдет на интервью «для галочки» – ее собеседники, как правило, неординарные личности, яркие

Автандил Варсимашвили

индивидуальности.

Автандил Варсимашвили, художественный руководитель театра имени А.С. Грибоедова и Свободного театра:

– Вера Церетели – личность, привлекающая к себе внимание. Рецензии она пишет умные и значительные, поэтому и вызывает интерес. Она всегда видит то, ради чего ты ставил спектакль. Ее интересует не только спектакль, но и конкретные люди театра и театр как часть жизни. В этом ее особенность, в этом ее дарование и точный вкус. Я хочу сказать ей слова благодарности. Вера видела, как сложно работать русскому театру в Грузии, и поэтому она всегда поддерживала меня, мои спектакли, да и весь театр.

Лела Очиаури, киновед, театровед:

– Я знаю Веру Церетели несколько десятилетий. Сначала познакомилась с ней издали – видела ее на спектаклях, фильмах, концертах, выставках. Она обращала на себя внимание – симпатичная голубоглазая миниатюрная блондинка славянской наружности, в очках. Затем, я даже не помню, где и когда, незаметно и естественно завязались наши от-

ношения – сначала с приветствия, потом с вопроса, ни к чему не обязывающего: «Как дела? Что у вас нового?» Очень быстро такое знакомство переросло в близость, что сохраняется по сей день.

Эта сдержанная, сердечная и утонченная женщина с самого начала вызывает у тебя добрые чувства. Говорить с Верой об искусстве, жизни или обсуждать социальные вопросы всегда приятно и интересно. Она хорошо знакома с грузинским и

Лела Очиаури

мировым искусством и всегда придерживается твердых и аргументированных взглядов. В то же время она умеет внимательно и вдумчиво слушать, тактично воспринимает мнение других и с таким же тактом и вежливостью выражает собственное мнение.

Прежде всего, это именно та культура и тот профессионализм, которые Вера Церетели всегда проявляет в личной беседе или в статьях (отличающихся завидными аналитическими качествами и другими достоинствами).

Профессиональный журналист, театральный критик и обозреватель,

на протяжении многих лет она один из первых и главных «пропагандистов» грузинской культуры для русскоязычных читателей в Грузии и за рубежом и, вероятно, один из первых свободномыслящих журналистов в русских медиа.

Статьи Веры Церетели – нашей Верико – это настоящая хроника грузинской культуры и, вероятно, один из самых значительных и базовых, честных и бескомпромиссных ориентиров для русскоязычных читателей в любой точке планеты.

Марина Мамацшвили, журналист:

– С тех далеких времен, бесповоротно ушедших в прошлое, когда мы работали в замечательной, благословенной памяти газете «Молодежь Грузии», она для нас всех по-прежнему Верочка. Годы не сделали ее солиднее, она так и осталась худенькой, изящной Верочкой, какой была в газете. Бывает, что воспоминания об этом особенном периоде работы в молодежной газете, сдобренные эпитетами в превосходной степени, вызывают скептицизм у некоторых слушателей. – Молодость

Марина Мамацшвили

– вот и все объяснение вашему необыкновенному коллективу, – говорят мне.

Молодость – да, именно молодость. Кто же отрицает! Вечная весна (заимствую у Катаева)! Именно с ней у меня ассоциируется время работы в «Молодежке». Порыв, азарт, радость общения, все, что характеризует молодые годы, были помножены на единение, дружбу, внимание, поддержку, доброжелательное отношение тех, кто постарше, кто давно работал. Чего стоили их рассказы и легенды о пережитом газетой и тех, кто составлял ее гордость и славу! Мы знали всех поименно, всех, кто работал до нас в газете, которая в зависимости от политических событий меняла название. Но никогда при этом не менялись отношения внутри коллектива. Даже самые напряженные передрыги, а они тоже были, не разъединяли, а объединяли, сжимали коллектив в единое целое. Вот его главное отличие. И еще. В «Молодежке» всегда традиционно собирались хорошие перья. Но не было зависти, недовольства, интриг, сплетен. Была благожелательная рабочая атмосфера. Мы свободно общались, ходили из отдела в отдел, делились впечатлениями, «обкатывали» свои будущие материалы, шутили, подтрунивали друг над другом, рассказывали анекдоты и смешные истории, выпадавшие каждому из нас в бесконечных передвижениях по городу и в командировках.

Мы работали с Верочкой в разных отделах. Но когда мне (много позже) пришлось писать о режиссе-

ре Михаиле Туманишвили, я вспоминала вдохновенные рассказы Веры о его репетициях в Театре киноактера, о ее встречах и интервью с Робертом Стураа и Темуром Чхеидзе. Помню ее профессиональные замечания к спектаклям того бурного, а бы сказала, взлетного театрального периода конца 70-х и 80-х. Гастроли, премьеры, концерты, выставки, книги, статьи – мы были переполнены впечатлениями. Говорили о многом. Свободно, без утайки делились мнениями по поводу всего, что составляло нашу тогдашнюю, очень насыщенную жизнь.

Верочка много работала. Благодаря мужу Котэ, который не просто поддерживал ее, а понимал и принимал ее интересы, ее профессионализм, ее целеустремленность, ее необыкновенную любовь театроведа к Театру. «Любите ли вы театр так, как я люблю его?!» – в этом вопросе-восклицании Белинского суть Верочки Церетели. Эта самоотверженная любовь вела ее многие годы здесь, в Тбилиси, где она не пропускала почти ни одну премьеру ни в одном из театров, где она знала всех театральных (и не только) деятелей. И ее знали все, кто создавал театральную славу Грузии, все, кто был близок к сцене и ее служителям.

Когда ей надо было сдавать материал в номер или вычитывать его перед срочной сдачей, а сына оставить было не с кем, она приводила его в редакцию. Котик-младший был тихий, спокойный, воспитанный ребенок. Время от времени те из нас, кто освобождался, общались с ним.

Помню такой эпизод. Котик любил стоять на подоконнике и разглядывать улицу Белинского, на которую выходило окна нашей редакции. В тот день вдруг пошел дождь, настоящий ливень. Оторвать Котика от окна не было никакой возможности. Он слушал шелест дождя с упоением и все время повторял слово «дожшшь», точно передавая шум и шлепанье текущей потоком воды по стеклу. Так до сих пор (господи, сколько лет прошло и у Котика свои дети намного старше его тогдашнего!), когда в Тбилиси льет беспрерывно, я вспоминаю Котика, его выражение лица и его «дожшшь».

Именно здесь, в «Молодежке», начался тбилисский журналистский путь театроведа Верочки Макаровой-Церетели, путь плодотворный, творческий, яркий и интересный.

Николай Свентицкий, директор театра Грибоедова, президент МКПС «Русский клуб»:

– Вера Церетели – талантливый журналист, прекрасный друг, человек, бесконечно любящий театр! Она всегда жила яркой, насыщенной жизнью, умела удивлять и радовать окружающих, дарить любовь и

Николай Свентицкий

добро. Ее творческая энергия заразительна.

Монахиня Мариам (Ия Багратион-Мухранели):

– Вера Макарова и Константин Церетели познакомились в Москве в 70-е годы. Он, вдали от родины и заботы близких, учился в аспирантуре. Она, студентка театроведческого факультета ГИТИСа, пыталась эмоционально облегчить его пребывание в холодной Москве. Потом поженились, вернулись в Тбилиси, создали семью. Жили в старинном доме в начале улицы Барнова. Родились дети, подросли. А Вера, влюбленная в театр, восторженно открывала спектакли грузинских режиссеров, знакомилась с театральным закулисным, проблемами, открытиями грузинских актеров. Грузинское искусство 70-х сломало все стереотипы советского государства. Михаил Туманишвили, Роберт Стураа, Темур Чхеидзе, Гига Лордкипанидзе создавали грузинский театр новой стилистики, театр, взрывающий штампы мышления в умах и сердцах «покорного большинства».

Монахиня Мариам

Я в те годы работала в газете «Молодежь Грузии», и Вера пришла в редакцию, переполненная влюбленностью, восторженной верой в магию грузинского театра. Вскоре открылся новый Руставский театр с созвездием великолепных актеров, режиссурой Гиги Лордкипанидзе, и каждая премьера становилась явлением в театральной и общественной жизни Грузии. «Листопад» Отара Иоселиани, киноновеллы Михаила Кобахидзе, «Большая зеленая долина» Мераба Кокочашвили, «Антигона» Жана Ануя в театре Шота Руставели с великолепным дуэтом Зинаиды Кверенчиладзе и Серго Закариадзе... стали значительными вехами, этапами развития не только грузинского, но и мирового искусства. Вера была счастлива лицезреть эти спектакли и фильмы, писала рецензии, бывала на республиканских фестивалях, форумах, диспутах в малых и больших грузинских городах.

В Вере удивительно сочетались детская наивность и зрелая профессиональная критика. В 1979 году я покинула редакцию, меня пригласили в «Советскую культуру», но личные и творческие контакты между нами не прерывались.

Единственное мое пожелание-просьбу – изучить грузинский язык, генезис нашей культуры с древними традициями многоголосия, чеканки по золоту, строительства первых грузинских храмов, крепостей, святниц – она не смогла выполнить. Кровное русское оказалось сильнее. И детей, представителей древ-

нейшего грузинского рода, отдала родной Москве. Хочется надеяться, что они осознают и исполнят наказ святого Серафима Саровского, заведшего христианского миру: «Спасайтесь в Иверии!», скрасят жизнь одиноких родителей и вернутся в удел богоматери – Иверию!

Екатерина Элиава, заслуженный журналист Грузии:

– Мне везло в жизни на интересных людей. Со многими из них деловые поначалу отношения перерастали в дружеские. С Верой Церетели мы встретились в редакции молодежной газеты, в отделе культуры наши столы оказались рядом. И очень скоро стали друзьями. Как показали десятилетия нашей дружбы, Вера – внимательный и надежный друг, на которого всегда можно положиться.

Получившая блестящее образование, Вера является не только профессиональным театроведом, но и великолепно разбирается в живописи, музыке, балете... Это понимали режиссеры, приглашавшие ее на репетиции задолго до выпуска спектакля, чтобы обсудить те или иные

моменты, поскольку ценили ее мнение. Будучи глубоко порядочным человеком, она была предельно честна и в своей профессии. И в случае неудачной постановки не умела кривить душой и расхваливать спектакль. За что кое-кто обижался на нее. Примечательно, что при этом неловкость испытывал не постановщик, а Вера...

Часто она просила пойти на спектакль вместе с ней, мол, нужен свежий взгляд, уверяла, что мое суждение ей важно. Не скрою, с одной стороны, мне это льстило, с другой – удивляло: с ее эрудицией и тонким пониманием предмета доверять мнению непрофессионала, пусть и что-то читавшего о театре.

Меня в ней поражает одна черта – сочетание мудрости и наивности. Мудрая во всем, что касается ее профессиональной деятельности, требовательная к каждому написанному слову, она постоянно сомневалась – насколько удалось в статье выразить главное. И нередко, несмотря на мои протесты, требовала, чтобы я отредактировала окончательный вариант. Доброжелательная и открытая в общении, Вера того же ожидала от других и руководствовалась в жизни не меркантильными интересами, а духовными ценностями.

Она жила театром. Больная, с температурой отправлялась на премьерный или просто интересный спектакль, который, кстати, видела уже не раз. Но разве могло это удержать ее дома? Здоровье еще с молодости доставляло ей немало

Екатерина Элиава

проблем, но Вера никогда не жаловалась, держалась на удивление мужественно, тогда как любая простуда могла обернуться для нее серьезными последствиями. Бывало, звоню ей, трубку берет муж: «А Вера в театре...» Как, она же болеет? Сколько же мы с Котэ ругали ее за такое безрассудство?! Впрочем, ругала я, хотя и безрезультатно. Что касается мужа, то не припомню случая, чтобы Вера и Котэ повышали тон – все разногласия в семье решались путем замечаний с примесью легкой иронии...

Она помнила мельчайшие подробности той или иной пьесы, детали постановки, и при этом не могла отыскать нужный номер телефона в своем «творческом беспорядке». Часто повторяла: «Я никудышная хозяйка». Искренне, без тени кокетства считала себя бесхозяйственной, хотя это было не так. Очень любила принимать гостей – повода для этого не требовалось. Ее гостеприимный дом всегда был готов к приему тбилисцев, москвичей и всех, кому посчастливилось переступить его порог. Каждый раз по дороге домой тянула меня к себе – просто поболтать, как будто мы мало общались в редакции и вне работы. При этом нередко предупреждала – у нее «шаром покати», что на поверку выливалось в интересную беседу за чаепитием.

Ее детям повезло в том смысле, что Вера с детства приобщала их к театру и вообще к искусству. Ведь воспринимать искусство – это тоже искусство, которому надо учиться.

Когда она рассказывает о спектакле, трудно оставаться равнодушным, она увлекает тебя в этот мир с его глубиной, художественными приемами, погружает в самый сложный процесс творчества. Мне кажется, что Вера была бы прекрасным педагогом, способным раскрыть слушателям, в чем притягательность сценического искусства. И способным вновь и вновь испытывать радость от возможности поделиться с другими своей любовью к театру.

Паола Урушадзе, поэт, кандидат искусствоведения:

– Великолепная театроведческая школа ГИТИСа... Вера Церетели всегда с особым теплом и благодарностью вспоминает своих учителей, неизменно подчеркивая, что именно они, педагоги Государственного института театрального искусства, вручили ей ключ к пониманию основополагающих задач театральной критики. Потому так удивительно точны и живописны в ее рецензиях описания самых существенных линий спектакля и так содержательны обзоры театральной жизни Грузии.

Паола Урушадзе

Вера не принадлежит к тем критикам, которым довольно одной премьеры. Уж если она собралась писать о спектакле, она будет изучать его досконально: посещать репетиции, прогоны, беседовать с режиссерами, исполнителями главных ролей, изучать предыдущие постановки пьесы. Всем ее рецензиям о лучших спектаклях тбилисских театров предшествует длительный период «вхождения в тему». Но высокий профессионализм Веры доказывает и иная ситуация, возникающая во время гастролей российских или европейских театров. Тут уже вступает в силу ее уникальная память, поистине виртуозное владение тайнами ремесла. В рецензиях Веры, порой написанных за ночь, после просмотра, схвачено все самое главное – все узловые и кульминационные моменты, отдельные, важные по смыслу и художественной выразительности, детали, пластический рисунок наиболее интересных ролей, участие сценографии и музыки в общем сценическом решении режиссерского замысла... При этом – богатая лексика, блестящие эрудиции, точно найденные культурные ассоциации.

Театр и Время, на мой взгляд, – главная тема искусствоведческого поиска Веры. Особую значимость это сочетание приобрело в 90-е годы, когда, отойдя от эзопова языка, художник, уже безо всяких «намеков» и «подводных течений» смог наконец неприкрыто выразить то, что диктовала ему совесть, его истинное отношение к происходящему «в городе и мире».

Это время дало возможность и Вере поделиться с читателями своими мыслями и тревогами, своим ощущением и переживанием драматических перемен в жизни страны.

Ее рецензии тех лет примечательны прежде всего тем, что в них она смогла передать дух и атмосферу «смутного времени», в котором театр был одновременно и обличителем, и, может быть, единственной надеждой на возрождение утраченных ценностей жизни.

«Душа сжималась в напряженном ожидании. Ночные костры в очередях за хлебом, пустынные улицы, по которым безбоязненно гуляют только слухи... И вдруг «Сон в летнюю ночь» Михаила Ивановича Туманишвили в Театре киноактера, как луч света... Нечто немислимое, светлое, ироничное, возвышенное. Это были шекспировские волшебные превращения, помноженные на фантазию, юмор, утонченность. Это был Шекспир, выношенный человеком, так и не ставшим рабом времени. Для него существовало лишь одно святилище – творчество, превратившееся в чудотворство». («Театральная жизнь», 1996, №9, стр. 31).

Творчеством можно назвать все Верины рецензии на шекспировские постановки грузинского театра конца 90-х. «Шум времени», теперь уже во вселенском масштабе, она явственнее всего услышала в «Макбете», поставленном Робертом Стурра на сцене Театра имени Шота Руставели. Я свидетель того, с каким

вниманием следила она на репетициях за ходом мысли режиссера, за всеми этапами его поисков, продолжавшихся и в прогонах, и даже в первых премьерных показах. Но режиссер так и не изменил взятой с самого же начала трагической ноте. Вера заканчивает рецензию словами:

«Пришло время осознания страшной и очевидной метаморфозы души человеческой. Явленный Робертом Стуруа «Макбет» на сцене 1995 года был одновременно и приговором, и диагнозом». (Там же, стр. 32)

Здесь я коснулась лишь небольшой, хотя и очень важной, доли в театроведческом творчестве Веры Церетели. В своем полном объеме это подробный и вдохновенный отчет о самых ярких и судьбоносных событиях в театральной жизни Грузии на протяжении нескольких десятилетий.

И это неоспоримо, если собрать воедино все ее статьи, рецензии, интервью, обзоры фестивалей, как местных, так и международных, все, что осталось неопубликованным и хранится в ее архиве. Если это когда-нибудь осуществится, будущее поколение получит наилучшее свидетельство того, как насущно необходим был когда-то нашей стране театр, как чутко отзывался он на все ее беды и радости. Ни одна телевизионная запись не способна рассказать им об этом. «Живое о живом» таится лишь в словах благодарных и беззаветно преданных ему современников.

Андрей Белявский

Андрей Белявский, журналист:

– Казалось бы, что может быть проще – рассказать о человеке, которого знаешь много лет и в дом которого можешь запросто заявиться без предупреждения, испытывая при этом радость и предвкушение приятной встречи и видя ответную радость в глазах хозяев. Ан нет – на деле задача оказывается вовсе непростой...

Вера Александровна Церетели, в девичестве (как не преминули бы отметить прежде) Макарова, стала одной из «достопримечательностей» тбилисского журналистского сообщества уже достаточно давно и неожиданно быстро, вскоре после того, как в ее жизни произошла резкая перемена – и молодой московской журналистке пришлось (по семейным обстоятельствам) продолжить свою профессиональную деятельность «на новом месте и в новых условиях». «Семейные обстоятельства» образовались в результате почти случайного (его величество Случай!) знакомства с известным в будущем грузинским ученым-энергетиком, а в те дорогие памятные времена – молодым аспи-

рантом Котэ Церетели. Неизбежными виновниками ее незатянувшейся «акклиматизации» стали, я думаю, неумная любознательность, открытость и общительность, счастливое отсутствие «московской спеси», и – особо ценимый в любой сфере фактор – высокая квалификация и профессионализм (т.е., как утверждают ревнители трезвости – то, чего не пропьешь). Впрочем, всем, кто знаком с Верой, кто с нею общался, кто читал ее публикации, – рассказывать об этом излишне. И уже никого не удивляло, что «пришлая» москвичка с театральным образованием стала здесь «своею», что ей никогда не отказывали в интервью выдающиеся деятели грузинской культуры – писатели, композиторы, кинорежиссеры и, разумеется, люди театра, ибо театр – в силу ли профессиональной осведомленности в его не всем ведомых «секретах» или по естественной привязанности – всегда оставался для Веры «на первых ролях».

При всем при этом меня всегда удивляла способность Веры объединять и организовывать коллег-журналистов, результатом чего стал целый ряд уникальных в своем роде встреч и конференций, первой из которых была особенно запомнившаяся трехдневная конференция в Ликани в весьма напряженный для грузино-российских взаимоотношений период – в октябре 2002 года, на которую прибыл «десант» известных московских журналистов (в частности – Анна Политковская, Павел Фельгенгауэр, Михаил Шевелев),

и которая, помимо обсуждения серьезных тем и вопросов, естественным образом переросла в každодневное (и каждонОчное) дружеское общение.

А как не вспомнить «роскошь человеческого общения», что случалась в этом доме в добрые старые времена 14 декабря, в День рождения Веры, когда за столом в уютной гостиной радовались очередной встрече журналисты Донара Канделаки (светлая ей память!) и Эка Элиава, поэт Паола Урушадзе, сестра Котэ Медико с мужем Борисом... Господи, как нам было хорошо!

И посиделки с чаевничаньем на кухне: сначала с Верой, потом к нам присоединялся засидевшийся за компьютером Котэ, и чаепитие плавно перерастало в чачапитие – по чуть-чуть: за родителей, за тбилисских и московских друзей, за тех, кого уже нет с нами, за детей – Котэ-младшего и Тамрико, которые вместе с внуками там, в далекой Москве, за Грузию... В которой Вера давно уже стала «своей» и которую полюбила. Всей душой.

ПУБЛИКАЦИИ РАЗНЫХ ЛЕТ

Софико Чиаурели: «Никто не знал, есть ли у меня талант»

«Общая газета», 22 июня 1997 года

«Софико – пластический порыв души. В ней слита нежность восточной фрески, филигранность иранской миниатюры и скульптура византийского искусства. Она гениальная кинобалерина».

Сергей Параджанов.

Мой Тбилиси. Как мы бегали «на шатало».

«Мне Тифлис горбатый снится,
Сазандарей стон звенит,
На мосту народ толпится,
Вся ковровая столица,

А внизу Кура шумит» – так видел Тбилиси Осип Мандельштам.

В моем детстве Тбилиси был уже не таким, но дух его сохранялся. Передать его невозможно – только почувствовать. У меня болезненное ощущение этого города, я люблю здесь все, это тот кусочек земли, где я родилась. Здесь аура моего детства, круг друзей, мои родители, мой дом, который я обожаю. Город – это не только архитектурные строения, улицы и дома, это связующее звено бесконечных воспоминаний. Как я ходила в женскую школу, как мы

Софико Чиаурели

с девочками каждый понедельник убегали с уроков (в Грузии это называется пойти «на шатало») и смотрели трофейные фильмы, как мой будущий муж мальчишкой приглашал меня в кино, и ему приходилось покупать 14 билетов. А иногда мы бегали «на шатало» к моей тете, она нас никогда не выдавала, страшно радовалась и на всю ораву ставила на стол сортов десять самого экзотического варенья – из баклажанов, розовых лепестков, зеленых грецких орехов...

Рядом с нашей школой была мужская школа. Один мальчик, на год старше нас, был в меня влюблен. И когда стали соединять мужские и женские школы, он решил специально остаться на второй год, чтоб попасть со мной в один класс. А выпускные классы так и не слили – ему не повезло.

Это все мой Тбилиси, и каждый его уголок связан с воспоминаниями. Большая пестрая толпа текла по Руставели – медленно, не спеша. Мы, стайка девочек, собирались у «вод Лагидзе» и не боялись в 12 ночи гулять по Руставели. Мы никогда не думали, что нас кто-то может обидеть, задеть. Об этом не могло быть и речи. Возвращались домой по Верийскому кварталу, шли по лабиринту маленьких улочек, там уж была полная гарантия безопасности – это привилегия Тбилиси, когда ты попадаешь в свой «убани» – район, там ты как у себя дома. Когда я приехала учиться в Москву, меня однокурсники спрашивали – ты можешь свободно ходить по улице, мужчины в бурках не нападают?

Я часто думаю, насколько разные грузинские женщины моего поколения и поколения моей внучки, правда, ей пока 14 лет, но между ею и мною в ее возрасте – бездна. Не знаю, что лучше. Мы до идиотизма были скованными рамками общепринятого, в 16 лет мы на днях рождения играли в детские игры, в ручеек. Целоваться? Это такое событие... Мы ходили в школьных формах, с бантами. Но в этом была своя прелесть. Я, например, со своим первым мужем «ходила» 4 года, пока мы не поженились: в кино, в гости, к друзьям. Сегодня этого понятия «они ходят» нет. Сегодня встретились, завтра поженились, послезавтра разошлись.

Наше послевоенное детство не было таким уж безоблачным, всем трудно жилось. Но разве можно за-

быть вкус булочки с повидлом – наш школьный паек? И еще нам давали 100 г молочного и яичного порошка, но до дома мы не доносили его, тут же слизывали с ладони. И все же нам повезло во времени. Значительно больше, чем поколению моего сына. К сожалению, я вижу у молодых скептицизм, недоверие, отношение к прошлому свысока. На плечи молодых свалился груз трагедии последних лет – гражданская война. В отечественной хоть есть цель, ты защищаешь Родину, свой дом. А здесь бессмысленная бойня. Им пришлось увидеть и пережить все самое страшное, что может быть, – смерть друзей, измену, убийство, воровство. Для них это стало обыденностью, нормой. На их глазах проспект Руставели из места свиданий превратился в поле боя, а потом стоял в дыму пожаров – искалеченный, разрушенный. Кстати, наш дом на Пикрис-гора тоже мог бы взлететь на воздух, если бы нацеленные на телевидение пушки начали стрелять – ведь кто-то наверняка промахнулся бы... Там, у телевидения, все время толпилась молодежь, и мой старший сын Никуша был среди них. Я, как Багратион, стояла на балконе с биноклем и высматривала его белые штаны...

Страшно подумать, что все это было в моем Тбилиси. Бесконечные ночные перестрелки, темные, обезлюдевшие улицы, по которым «безбоязненно гуляли только слухи». Разграблялось все – от квартир и музеев до трансформаторных будок и надгробий. С наступлением темно-

ты люди забивались в свои холодные неосвященные дома и наглухо запирались. И трудно было себе представить, что всю мою жизнь наш дом – дом Верико Анджaparидзе и Михаила Чиaурели не закрывался. Вместо замка был колокольчик, и он звенел постоянно. Я привыкла с детских лет, что в доме постоянно много народу. Приходили самые разные люди, начиная с простых крестьян и кончая светилами. Крестьяне приходили посмотреть на родителей, пообщаться – они были их кумирами. Но, конечно, доминировали люди искусства. Во время войны звезды МХАТа бывали у нас дома – Книппер-Чехова, Немирович-Данченко, Качалов. Мама рассказывала, что еды не было, но у них по вечерам все время собирались люди – читали стихи, что-то обсуждали, спорили. Дом был полон самых интересных людей: поэты Симон Чиковани, Гогла Леонидзе, Паоло Яшвили, Тициан Табидзе – это был цвет Грузии. И так было до последних дней матери.

Этот дом для меня все – это и мое детство, и родители, и тот старый Тбилиси, дух которого впитали стены...

Первая любовь и «медовая неделя»

В юности я была достаточно строптивым существом. К тому же, как утверждала моя мама, мне передалась ее внешняя суровость, я не была милой ласковой девочкой, скорее мальчишкой-сорванцом. У меня изначально было исключительное положение – дочь легендарной актрисы Верико Анджaparидзе и не

менее знаменитого режиссера Михаила Чиaурели, с детства избранный круг общения... Но с первых же своих шагов я хотела самостоятельности и не желала быть лишь отпрыском своих знаменитых родителей. «Дети, как правило, забывают, что для появления апельсина нужно по меньшей мере апельсиновое дерево», – иронизировала по этому поводу моя мама. Только с годами я поняла, какой это был дар судьбы и для меня, и для моих детей. А тогда я все воспринимала как должное, и еще отбрыкивалась.

Мой будущий муж, Георгий Шенгелая, был сыном не менее знаменитых родителей – актрисы Нато Вачнадзе, которая являла собой символ женской красоты, и известного режиссера Николая Шенгелая. Наши родители очень дружили, и когда в авиакатастрофе погибла Нато Вачнадзе, моя мама особенно заботилась о младшем сыне подруги, ему было тогда 14 лет. Георгий часто бывал у нас, мы с ним очень дружили, ведь мы одноклассники. А потом я ужасно влюбилась. Я помню, была обижена, что он в десятом классе много занимался и окончил школу на медаль. Как, у нас такой роман, а он может что-то учить?! Он хотел стать кинорежиссером. В нашем театральном таком факультета не было, и я решила отправиться вместе с ним в Москву, поступать на актерский.

Никто не знал, есть ли у меня таланты. Мама не могла меня заставить прочесть хотя бы одно стихотворение, чтоб понять, на что я способна...

Георгий Шенгелая, Софи́ко Чиаурели, Верико Анджапаридзе и Михаил Чиаурели

Я вообще ненавидела читать. Родилась под знаком Тельца, наверное, потому поэтические миры были не для меня. Родители были в панике.

Я поехала в Москву и стала готовиться к экзаменам. У нас была потрясающая квартира на Садово-Кудринской, рядом с планетарием. Папа жил в Москве, когда снимал там фильмы. В Москве в это время была 40-градусная жара. Такого я не помню. К экзаменам я готовилась... в ванной. Наливала в нее холодную воду, соорудила поперек доски и лежала голая, писала конспекты. Меня приняли на актерский во ВГИК. Мне повезло, моим педагогом был прекрасный человек, ученик Станиславского, Борис Владимирович Бибиков.

В конце первого курса в Москву приехал Резо Чхеидзе и предложил мне сниматься в его фильме «Наш двор». Ну, а Георгия это уже я ему посоветовала. В это время у нас

был такой роман, мы должны были пожениться, я не смогла бы одна уехать на съемки. Когда Чхеидзе увидел Георгия, что он такой фотогеничный, он сразу же согласился. Мы приехали в Тбилиси, а Резо уже начал съемки. И мы попросили неделю для свадебного путешествия. Поехали в Сухуми. Я даже не представляю, что сегодня этот город не Грузия.

Никогда в жизни не забуду нашу «медовую неделю». Мы пошли на пляж. У входа, где продают билеты, был тир. Георгий говорит: ты когда-нибудь стреляла в тире? А я никогда в жизни не держала в руках ружье. Он взялся меня научить. Показывает: это мушка, это цель, мушку надо посадить на цель. Я беру ружье, стреляю и попадаю то в 9-ку, то в 10-ку. Мой муж решил, что я его обманула и просто разыграла. Он возмутился, вспылал, и мы страшно разругались. Я бросилась в море, заплыла

очень далеко, два часа проторчала в море, вышла и сказала: все, чтоб ты не смел заходить ко мне в комнату. Мы жили в гостинице «Интурист», я заперла дверь, помню, там щель была, и объявила голодовку. В это время в Сухуми было пол-Тбилиси театральных знакомых. Они все приходили, уговаривали меня, пытались сквозь щель просунуть мне еду, а я – ни в какую. Георгий в панике, ревет: Софико меня не впускает. Так начиналась моя семейная жизнь.

И все равно мы очень любили друг друга. Я была самой счастливой, когда у меня родился сын, когда я ощутила себя матерью и он впервые прикоснулся к моей груди. Это неповторимо. Наверное, человек понимает, что такое счастье, когда он что-то теряет. Мы обычно спохватываемся, как я был счастлив когда-то... Мы не умеем ценить...

«Если Сталин попросит наши головы, отец пошлет их ему»

Мои отец и мать – это два противоположных полюса, во всем. У меня с отцом были очень трогательные отношения. Для него я была всем... Что бы я ни делала – на сцене, в кино, ему все нравилось, он на все смотрел с любовью. Есть фотографии, мои и мамины, где мы в одном возрасте и очень похожи – одно лицо. И мама свое фото послала отцу в Москву. Папа положил эту фотографию под стекло и гладил ее, думая, что это я. Мама приехала к нему и со свойственной ей иронией говорит: «Ты что это меня так ласкаешь?» – «Как тебя? Я Софку ласкаю...»

Родители были полюсами и в политическом смысле. Отец был яростный сталинист, партиец, он так любил Сталина, что ради него готов был на все. Мой брат Рамаз шутил:

«Если Сталин попросит наши головы, отец, как в «Георгии Саакадзе», пошлет их ему». И до конца таким оставался, несмотря на то, что из-за этого сильно пострадал: его сослали в Свердловск в 56-м году. Но его не исправил и ссылка. Когда отец вернулся из Свердловска, он снял два художественных фильма «Отарова вдова» и «Иные нынче времена», потом ушел в мультипликацию и сделал фильм «Как мыши хоронили kota» – здесь он, естественно, тоже подразумевал вождя.

Я не знаю об отношении Сталина к отцу, но, наверное, оно было взаимным. Когда я приезжала в Москву, у меня было впечатление, что есть только два человека – Сталин и папа. Куда бы мы ни приходили – будь это киностудия, Большой театр или магазин – его все знали и подчеркнуто встречали. А я видела Сталина всего один раз, папа меня взял на Красную площадь на парад, и я не сводила глаз с мавзолея. Я помню, когда умер Сталин, у меня было впечатление, что солнце больше не взойдет и жизнь прекратится. Днем и ночью мы с девочками стояли на набережной Куры у его памятника, и мама никак не могла меня отодрать от этого места. Хотели мы того или нет, мы были детьми своей эпохи.

Сталин начал дружить с отцом после «Георгии Саакадзе», ему очень понравился фильм, после каж-

дой серии вручили Сталинскую премию. Сталин приблизил отца к себе, пригласил на дачу. Это была такая честь... Папа был необыкновенно остроумный, великолепно пел, играл на гитаре, к тому же Златоуст – такого тамады больше не было. Когда Сталин все это увидел, уже не было застолья, чтоб он его не приглашал, и они подружились. И уже потом папа посвятил ему кинотрилогию – «Клятва», «Падение Берлина», «19-й год». Отец его просто боготворил.

Да, отец был потрясающий человек, его остроты повторял весь Тбилиси. Но дело не в них, он во всем был одаренным – художник, скульптор, музыкант, рассказчик. Например, «Ханума» – спектакль Роберта Стура и Гии Канчели – родился в его кабинете. Они пришли к нам, еще был Рамаз Чхиквадзе, заперлись с отцом в кабинете, отец шутил, импровизировал, напевал старые тбилисские мелодии. Все это потом было в спектакле – об этом рассказывает и Гия, и Рамаз.

Но самый крупный розыгрыш отец устроил в Москве. Он жил в гостинице «Украина», когда у нас еще не было квартиры на Садово-Кудринской. У него был огромный трехкомнатный люкс. В это время вся Москва стояла дыбом, должен был приехать Джавахарлал Неру. В гостинице только и разговоров, что о Неру. А у отца было огромное количество всевозможных орденов, и советских, и иностранных наград на лентах, с бантами. Был один такой пиджак, где, как у Брежнева, не было свободного места, что-то висе-

Софико Чиаурели и Котэ Махарадзе

ло даже на плечах и на шее. И еще он носил такую белую шапочку-пилотку. В один прекрасный день папа недолго думая надел белые кальсоны, сверху пиджак в орденах, белую пилоточку и спустился в фойе. Его увидели, и стали буквально падать на колени, как же – живой Неру. И пошла паника. Все КГБ поднято на ноги – Джавахарлал Неру в гостинице «Украина», но как он мог попасть в Москву, если его никто не встречал в аэропорту... За эту милую шуточку любой другой в те времена мог бы загреметь, но отцу простили – все знали, как к нему относится Сталин.

Моя мать была вне политики – на сцене она забывала все

А мать в принципе была вне политических идей, потому что ее ничего не волновало кроме театра. Она была Маргарита Готье, Клеопатра, Юдифь, ее талантом восхищались Немирович-Данченко, Михоэлс, Охлопков, вот эти имена для нее что-то значили. А кто там наверху – Сталин, Ворошилов, Берия, это ее не каса-

лось. Хотя она прекрасно видела, что творится вокруг, ее друзей арестовывали, высылали, расстреливали. Я хотела сделать фильм об этих событиях, о папе и маме. Но у нас такое положение в кинематографе – денег нет, сценарии не пишут, кино не снимают. Кто все это будет делать? Я не успею за одну жизнь все сделать. А можно такую потрясающую ленту снять на этом материале...

К маме приходили четыре подружки. Она их называла «девочки». Звенит звоночек, они стоят в дверях: «Верико дома?» – «Девочки, заходите, она дома». И поднимаются по лестнице тихие старушки из прошлого века. Так вот, эти «девочки» все были репрессированы, сосланы, мужья расстреляны. И когда-то я с ними делала передачу и спрашивала их: «Вы знали, что во всем виноват Сталин?» – «Что ты, Софочка, он ничего не знал».

А мать все прекрасно знала. Но она жила в другом измерении. Шел 37-й год, как раз она была в положении – я должна была появиться. Страшный год, сегодня забирают одних друзей, завтра других. И мама тоже собрала мешок с вещами – вдруг и за ней придут. Моему брату 11 лет, в доме еще моя бабушка из старого рода кутаисских князей. Так что во мне разные крови кипят – аристократическая и крестьянская, потому такое смешение. В младенчестве маму держал на руках сам Акакий Церетели и напороочил ей: «Ты должна прославить свою родину». А со стороны отца предки – кре-

стьяне, Чиаурели – кахетинцы, которые прочно стоят на земле.

Так вот, моя мама все время предупреждала бабушку: «Ты не беспокойся, но всякое может случиться, нас могут забрать, а ты береги Рамазку. Я тебе напишу, где я». В это время папа снимал «Великое зарево» и набирал актеров для ролей революционеров, Ленина, Сталина, шли кинопробы... Однажды в три часа ночи в доме раздается стук в дверь, потом еще, еще. Мама подумала – все, свершилось. Перекрестилась, успокаивает бабушку, вытаскивает свой мешок и идет открывать. В дверях стоят живые Ленин и Сталин. Представляете, что с ней было?! Вот такую невольную шутку сыграли папины актеры, Ленин играл Мюфке, Сталина – Геловани. Они ведь пробовали грим, закончили гримироваться уже ночью и решили пойти показаться отцу.

Я думаю, наша семья спаслась только благодаря отцу. А Берия страшно не любил маму. Еще бы, она была свидетельницей одного неудачного любовного похождения Берия.

Это замечательная история, и страшная, и смешная. У мамы была очень близкая подруга, я не назову ее имени, живы родственники. Она была очень красивая, и Берия положил на нее глаз. Это происходило в Абастумани, и подруга призналась маме: «Сегодня ночью придет Берия, что мне делать? Он сказал, чтоб я была одна, а ты убиралась к черту». Мама возмутилась: «Как это убиралась, я никуда не пойду». А

они жили в одной комнате. И решили, что мама останется и спрячется под кровать. Явился Берия, через какое-то время началась возня. И вдруг из-под кровати слышится смех, причем басом – так всегда смеялась мама.

Разве такое он смог бы простить матери? Конечно, нет. Когда Марджановский театр ехал в Кутаиси на гастроли, ее сняли с поезда, хотели арестовать. Ее спас отец.

Мои родители собирались написать книгу о своей жизни, но так и ушли, не успев. Наверное, потому, что до конца оставались в творчестве. В этом смысле мама была нечто потрясающее. «Театр требует всей жизни» – это была ее формула. Не словесная – вполне реальная. Для семьи предназначалось лишь то, что оставалось от сцены. Эта фанатическая преданность своей профессии меня всегда поражала.

На сцене она забывала все. Однажды на вечере памяти Марджанишвили она играла Юдифь. Неудачно упала и сломала руку. Боль она не почувствовала и продолжала играть. Только когда закончился акт, она потеряла сознание. И все равно доиграла спектакль, после огромного антракта, и уже с гипсовой повязкой. Зал стоя аплодировал ей в течение 30 минут.

Мать во всем была уникальной личностью... В 90 лет она оставалась молодой душой и сердцем. Она за день до смерти танцевала на сцене. Она пережила самую большую трагедию, какая только может быть в жизни, – потеряла сына. Страш-

нее ничего не существует. И тем не менее она жила. И не просто для того, чтобы протянуть как-то. Нет, она жила полноценной жизнью. На годовщину смерти сына Верико сыграла «Привидения» Ибсена, где повторила ту же трагедию на сцене. Это какую силу надо иметь! Она даже говорила потом, что именно сцена вернула ее к жизни, когда, казалось, все было кончено. Я хорошо все это помню, потому что играла в этом спектакле.

Мама всегда считала, что она для меня не авторитет. Но это было не так. Я прекрасно понимала, какая она актриса. Она начинала в стилистике декаданса, модного в 20-е годы, она была изысканно манерной и неотразимой. Ей все пытались подражать, но безуспешно. А потом она одной из первых, резко изменив стилистику, легко перешла к реализму и стала самой современной актрисой.

...У нас гости, одно из обычных застолий. Мама – тамада, она встает с бокалом: «Я не хотела об этом говорить, но, видимо, мой конец настал». Все так поежились – ничего себе тост. «Мне хочется сказать перед тем, как я умру, что моя дочь гораздо выше актриса, чем я».

Евгений Евтушенко:

«Мы – легендарные, оплеванные, но бессмертные...»

«АиФ – Тбилиси», №26, 1999 года.

Творческий вечер Евгения Евтушенко в Тбилиси был стремителен,

Евгений Евтушенко

легок и артистичен, как он сам. Пожалуй, даже слишком. Поднявшись с мест, люди тихонько спрашивали: «Это не перерыв, это уже конец?» А как иначе – поэта ждали поклонницы, жаждавшие автографа, прощальный ужин, а наутро самолет и где-то в Штатах новая семья, жена Маша и двое сыновей.

Если не быть собранным, как пружина – всего, что отмерено, не успеть. Отмерено ему многое – и было, и будет. Ведь отмеряет он сам. Потому позади – стихи и романы, фильмы и фотовыставки, интервью на телеэкранах и просто так составленные им антологии и сыгранные свадьбы, и ко всему – пять сыновей, разбросанных по разным странам. Что впереди, доподлинно знает лишь Создатель, нам лишь стало известно от самого поэта, что Политехнический музей, где с начала века поэты собирали колоссальные аудитории, в том числе и молодой Евтушенко, заключил с ним контракт на ежегодные вечера в день его рождения до 2019 года (с возможностью пролон-

гации). Пять дней рождения он уже справил в этом знаменитом зале.

«Нет лет» – пожалуй, эти его строки стали лейтмотивом вечера в Тбилиси. Без сомнения, относительно лет и что «старости нет» себя он убедил вполне. И даже некоторых тбилисцев, судя по тому, что его появление перед публикой предварялось словами «Встречайте великого ребенка». «Ребенок» был неотразим в летних светлых брюках и отпадной шелковой желтой сорочке, отороченной греческим орнаментом. Возникла ассоциация с «желтой кофтой» эпатажного Маяковского. Но кураж эпатажа в тбилисском зале был бы явно неуместен, и поэт им не воспользовался.

«Нет лет» Евтушенко звучало вполне убедительно – держался он точно так же, как лет тридцать назад на поэтических вечерах в Москве. И сейчас было видно – этот человек знает свое место в истории и насколько не сомневается в нем. Но некоторая разница с прошлым все же была: если раньше после чтения стихов он настойчиво просил: «Ну, задавайте вопросы, задавайте», то теперь он оставил без внимания горку записок с вопросами. Среди них неизбежно и наверняка фигурировал один – почему Грузия не видела его последние 9 лет. Хотя косвенный ответ дал его грузинский «товарищ по перу» Джансуг Чарквиани, объявивший в самом начале, что Евтушенко не приехал в Грузию, а вернулся, как блудный сын. Сам же «блудный сын» с удовольствием вспоминал свой первый приезд

сюда в 1955 году с юной Беллой, покровительство Галактиона Табидзе, Симона Чиковани, Ладо Гудиашвили, знакомство с молодыми поэтами, своими сверстниками... С азартом поминал тбилисскую хашную и читал стихи о ней. Конечно, ограничиться восторгами по этому поводу было бы неудобно, поэтому уместны были слова о былой дружбе, сетования, что «закончились о братстве сказки» и горькие слова о войне, беженцах из Абхазии и потере друга. Джумберу Беташвили было бы сейчас 60 лет, и эта дата была одним из поводов приезда в Грузию. Был и радостный повод – все мы видели по телевизору момент крещения в церкви маленького мальчика и широкую улыбку Евтушенко – крестного отца. Он крестил сына молодой мамы, которую знал совсем маленькой – у ее родителей, соседей по гульрипшской даче, семья поэта жила, пока строилась его дача. А теперь родители Лики – беженцы, живут в Переделкино, в доме Евтушенко. Но об этом на вечере поэт не говорил, это известно со слов Лики.

Так что Евтушенко во всем остается верен себе: «Я ратный – я натруженный и праздный, я целе- и нецелесообразный. Я весь несовместимый, неудобный, застенчивый и наглый, злой и добрый...»

Вот тбилисский факт его «несовместимости». Человек, не скрывающий своей избранности, объявивший когда-то: «Моя фамилия Россия, а Евтушенко псевдоним», мог со слезами на глазах восторгаться игрой Софики Чиаурели в ее послед-

нем спектакле и сделать актрисе такую надпись: «Королеве Грузии от коленопреклоненного сибирского мятежника». Он мог прийти в изумление, что сама Софики прострочила ему рубашку, где нитка дала трещинку, хотя сорочек он привез великое множество и менял их, как барышня. Когда он прилетел, на нем была яркая, со множеством зверей. «Ты приехал со своим зоопарком?», – заметил один из встречавших друзей.

Да, он разный. И в этом нам еще предстоит не раз убедиться – поэт не собирается прерывать отношений с Грузией, он обещает приехать на следующий год со всем семейством. И мы сможем увидеть женщину, которой он посвятил такие строки: «Я люблю тебя больше, чем славу... Я люблю тебя больше любви». О ней он может говорить бесконечно, вплоть до «шли мы с женой Машей по Нью-Йорку»...

Ничего, что диалога на творческом вечере не получилось. Зато был монолог. Слушатели лишний раз убедились, что голос поэта все так же крепок и все так же броска подача стихов. Впрочем, в его актерских способностях никто и не сомневался. А стихи Евтушенко еще раз убедили, что он поэт. А как известно, «поэт в России больше, чем поэт». И нам надо винить только себя, что мы не можем с той же отдачей повторить вслед за поэтом: «И в людях видели богов».

Человек простой профессии Роберт Стура

«Новые известия», 20 апреля
2000 года

До премьеры «Шейлока» в московском театре Et Cetera остаются считанные часы. В последнее время репетиции шли чуть ли не круглосуточно. Роберт Стура с неизменной сигаретой сидел в первом ряду, хотя в родном Театре имени Руставели он обычно работает у авансцены, разложив на ней локти, живот и пепельницу. Оттачивался каждый шаг, жест, взгляд, поворот. Варианты, варианты... Бесконечный калейдоскоп, когда готовая, казалось бы, сцена на глазах превращается в нечто совершенно незнакомое. Увидев Стура на репетиции в новом окружении, захотелось перелистать записи наших тбилисских бесед, тем более, что до Москвы он уже ставил «Венецианского купца» в Буэнос-Айресе.

– Я пытаюсь понять, почему в людях живет расизм, откуда это странное наше качество – не любить представителей других народов. Взять момент выбора жениха Порцией. Их 12 человек, достойных, завидных женихов, но она выходит замуж за подозрительного итальянца, потому что свой, соплеменник. В спектакле будет момент и антисемитизма, и антихристианства.

– Московская постановка перекликается с аргентинской?

– Только по теме. В «Шейлоке» должно прочитываться, до чего может довести человека ненависть других к его народу. Но поставить,

Роберт Стура

как там, я не могу. Здесь все заново, в том числе и новая музыка. Будет элемент фантазмагии, может, вся эта история с куском человеческого мяса привиделась? В общем, совсем не бытовой спектакль. Хорошие спектакли режиссер должен забывать, они портят его будущее. Хотя на самом деле хорошие – это редкость. Обычно получаются средние.

– Роберт, как вы умудряетесь работать с композитором и художником, которые практически живут за рубежом?

– Гия Канчели с 1990 года работает вне Грузии, но все новые диски он мне присылает, и я использую его музыку в тбилисских постановках. Когда приезжает, я ему показываю, но часто и он, и художник Гоги Алекси-Месхишвили специально приезжают для моих постановок, когда в их работе за рубежом образуются большие паузы. Они тоже не могут там жить постоянно. Ностальгия слишком знакомое чувство для всех грузин.

– **Критики, особенно московские, вас часто упрекают, что как режиссер вы узнаваемы...**

– Есть такой парадоксальный взгляд зрителя на театр. Если ты слушаешь музыку и узнаешь – о, это Бетховен или в галерее – вот Матисс, вот Дега, то к театру у зрителя отношение совсем другое: это опять Стурюа? Он хочет прийти и не узнать режиссера. Это естественный взгляд на театр как на игру. Те же требования и к актеру – он каждый раз должен полностью перевоплощаться. Режиссер старается вырваться из круга собственных приемов – иногда удается, иногда нет.

– **Ирония – неотъемлемый элемент ваших постановок. Но ведь считается, что ирония «опустячивает».**

– Иногда тебе кажется нравственно невозможным, допустим, какую-то очень большую тему вдруг снизить до уровня игры. Напрасен этот страх, потому что ирония содержит в себе и определенную любовь к объекту. Просто ты не слепо любишь, а ты видишь недостатки этого явления, но продолжаешь любить несмотря ни на что.

Театр – это игра. А все игры ироничны. Даже когда ты делаешь какой-то ритуальный театр, мистериальный, все равно не надо забывать, что это все-таки игра. Возможно, ирония будет видна только посвященному человеку, но без этого театр невозможен. Я не избегаю и мелодрамы, тем более что это хорошо разработанный жанр, особенно за рубежом. Все великие

идеи содержат в себе ее элемент. И наличие мелодрамы и сентиментальности, этакое кича – интересно.

– **Вы стали сентиментальным?**

– Я всегда был сентиментальным.

– **Роберт, давайте перемотаем ленту назад, скажем, в 50-е годы. Время первого осознания себя, окружающего. С одной стороны – ортодоксальность, консерватизм, с другой – первые звуки джаза, стилиги, а в воздухе предчувствие 60-х. Отец – известный художник, заботливая мама, уроки музыки, русская школа, книги, пластинки, мольберт... Внешне сплошное благополучие. А как было на самом деле? И что такое тбилисская богема тех лет?**

– Когда я учился, все художественные вузы оказались как-то вместе, даже территориально рядом – напротив друг друга, можно сказать. Была студенческая жизнь достаточно бурная. Оттепельная. Ничего такого необычного не было, я вижу, сейчас молодежь живет точно так же, как жили мы. Разница только одна: им все можно, а мы подпольно, украдкой ловили недозволенное. Был такой забавный случай. У меня дома собралась компания. Приемник был включен на «Голосе Америки». Ко всеобщей радости и удивлению, было не очень плохо слышно, видимо, глушители не срабатывали. И вдруг в нашу комнату входит мой дядя, он был секретарем ЦК по идеологии. Я быстренько убрал звук. «Что вы тут слушаете?» – спрашивает он и прибавляет гром-

кость. И голос диктора чисто-чисто произносит: «Вы слушаете «Голос Америки». Дядя засмеялся, но долг службы обязывал что-то строгое нам сказать.

– Кроме дяди у вас в верхах еще была и троюродная тетя. Позже именно она несколько раз закрывала «Ричарда III», породственному крича: «Только через мой труп!».

– К счастью, обошлось без трупы – после высочайшего посещения Шеварднадзе... В том, что столько высокопоставленных родственников, нет ничего удивительного. У нас старая большевистская фамилия, моего деда принимали в партию по рекомендации Сталина. Помню, по случаю юбилея театра у нас дома собрался узкий круг официальных гостей, приехавших из-за рубежа, из Москвы. За столом сидела от Вахтанговского театра Юлия Хрущева. Тамарой был все тот же дядя, к тому времени уже бывший секретарь. И когда он пил за моего дедушку – прославленного революционера, меня осенило: за столом сидят внук человека, которого принял в партию Сталин, и внучка человека, который изгнал из партии самого Сталина. Для гостей, особенно иностранцев, это действительно было достаточно любопытно.

– Ваш отец был великолепным художником. Кроме живописных работ остались его росписи в Чигатурском театре, в Ткибули – на мотивы грузинских сказок. Об открытости и щедрости Роберта Стуруа-старшего ходят легенды...

– Он очень любил женщин и прекрасно рисовал их, причем красивее, чем они были. И еще рисовал грузинские церкви. Женщины и церкви – две его страсти. Отец окончил аспирантуру в Москве, у Лансере. Я обязательно должен сделать его выставку, но, к сожалению, все его работы разбросаны по частным коллекциям – он все дарил. И мы даже не знаем, где, что, у кого, да и списка его работ нет.

По характеру отец был богемный, несемейный человек. Художники вообще особенно хорошо не живут, а у него действительно была широкая натура, он тратил все деньги, которые нерегулярно получал. Мама была дочерью одного из видных революционных деятелей. Но, будучи мэром города, дед влюбился в американскую танцовщицу, неизвестно почему застрявшую здесь. Он бросил семью, хотя жениться на ней не мог. И в 37-м году деда арестовали, обвинив в шпионаже. Когда отец женился на маме, это был решительный шаг. Потому что маму выгнали из школы, ее брату, который делал диплом в институте, не дали защититься, сестре тоже пришлось расстаться с мечтой о консерватории. Они все пострадали.

– А вы, как и отец, человек богемный?

– Да.

– Сейчас в Тбилиси есть своя тусовка?

– Меня очень раздражает это слово, популярное сегодня в России. Я очень мало знаю этих тусовок, но то, что я вижу по ТВ... Эта

попса меня ужасает, эта страшная музыка, эта игра в какую-то свободу... У меня ощущение, что они все время играют.

– Театр такое место, где тратится много нервов. Как вы гасите эти вспышки?

– Как истинный грузин – вином. Невозможно после репетиции не выпить. И радость, и обиды надо как-то снимать. Иногда артисты невзначай, не задумываясь, как дети, тебя могут обидеть. Теперь я к этим ранам привык, не придаю им значения. Как бы издержки производства. Процесс, который идет между актером и режиссером, бывает жестким и болезненным. Артист должен перестроиться, выдержать сложные духовные и психологические метаморфозы, не все сразу получается, иногда хочется отпрыгнуть, актер начинает злиться, режиссер тоже.

– Считается, что режиссер должен быть диктатором. А какой вы в работе?

– Моя диктатура заключается в том, чтобы актер не отклонился от концепции. Но, мне кажется, я считаюсь с мнением актера. Ведь это как любовь – в одиночку не получается. Если меня спросить, я не строптивый, добрый, терпеливый. Помню, Михаил Иванович Туманишвили часто меня ругал за то, что я был несколько фамильярен с артистами, дружил с ними. По классическому закону театра режиссер должен соблюдать дистанцию. Но мне по-человечески это просто невозможно вынести. Дистанция все равно возникает, потому что я став-

лю спектакль, и они должны выполнять. А после работы я не могу не дружить в театре, потому что я всю жизнь здесь провожу. И если у меня здесь не будет друзей, то где же они будут? Может быть, сейчас у актеров в связи с моим возрастом возникло ко мне большее уважение. Они не могут позволить себе обращаться с 60-летним человеком, как с сорокалетним.

– Вам приходилось в жизни терять друзей?

– Да, конечно. И много.

– И как вы это переживали?

– Как в русской пословице: с глаз долой – из сердца вон. Очень жестоко. Если оглянуться назад, по обочинам лежат трупы друзей.

– И женщин?

– Ну, женщин не столько, сколько у моего отца.

– Ваши актеры-руставелевцы вас понимают с полуслова. Когда такой контакт возникает у режиссера и актрисы, театральный роман возможен?

– Конечно, он легко может вспыхнуть, и это можно довести до романа в полном смысле, но этого я стараюсь избегать. Потому что, мне кажется, это уже начинает разрушать атмосферу внутри театра. Если режиссер нарушает некое табу, это чревато печальными последствиями для работы.

– Такой опыт есть?

– Ну как сказать... Небольшой. Я быстро понял, что к добру это не приведет.

– О чем сейчас надо говорить со сцены?

– Обо всем! Театр должен говорить о самых радикальных вопросах нашего бытия. Сейчас уже не удивишь никакими поисками, все могут ставить приличные спектакли. Когда я иду в театр, мне важно услышать со сцены нечто новое о жизни, то, чего я не знал. Я бы хотел, чтобы режиссеры были немного философами. Это превращает наше ремесло в искусство. В театре из повседневного отвратительного существования человек переходит в другое измерение. Когда говорят, мол, этот спектакль не смогут понять простые люди, это от лукавого. Дьявольская гордыня – ставить спектакли для избранных. «Элитарный» театр требует не режиссера, а гуру.

– Что-то уходит от вас с годами?

– У меня такое ощущение, будто мне сейчас лет 35. Конечно, я исхожу не из физического состояния, а из чисто внутреннего. У меня нет ощущения старости, нет ощущения, что я стал более равнодушным. Разве только уже не так безогляден.

– Что в нашей жизни вас настораживает, беспокоит?

– Я часто привожу такую метафору. Раньше мы жили в зоопарке, директор нас кормил, не очень сытно, конечно, потому что себе оставлял что-то. Старых или ненужных животных он отстреливал или продавал, и все были очень довольны. Потом нас выпустили на волю. Воля оказалась жестче, чем мы ожидали. Но она – воля. Мы находимся сейчас в естественном состоянии, боремся за существование, и не надо

это превращать в трагедию. Потому что так всегда жило человечество, и так будет жить. Конечно, без борьбы было бы лучше, но, увы, это закон жизни. С другой стороны, жизнь настолько саморегулирующаяся система, что она все равно приведет к добру, если, конечно, люди не будут слишком активно мешать этому процессу.

– Однажды на мастер-классе в Тбилиси вы с молодыми режиссерами рассуждали о театре, о Боге и вере...

– Сошлись на том, что рай с этой профессией не уготован никому – ни здесь, ни уж тем более там.

– Какова сверхзадача режиссера Стуруа?

– Я стараюсь в полной мере узнать, чего я вообще хочу от театра. Мы работаем не для вечности, мы живем сегодняшним днем. Мне бы хотелось, чтобы наша профессия перестала для нас быть только магической. Технология должна быть рассказуема. А дальше приходит то, что непредсказуемо. Мы люди обыкновенной профессии – как сапожник, портной... Я пытаюсь добиться простой формулировки. Но ее очень трудно найти.

«Стикс» Ги Канчели в интерпретации Роберта Стуруа

«Русский курьер», 30 декабря 2003 года

Последний аккорд предварительной премьеры «Стикса» Ги Канчели и Роберта Стуруа в Театре Руставели отзвучал вечером точно

в канун «революции роз». На завершающие показы публика съезжалась окружными путями. Безжизненный, оцепеневший от капитального ремонта театр, лабиринты служебного входа с цементной пылью, пустые гулкие коридоры, стулья для нескольких десятков «своих» зрителей. Огромное здание, оживающее только в моменты репетиций и показов – Стикс в действии.

Напомним, что в древнегреческой мифологии это священная река, разделяющая мир живых и царство Аида. Через нее переправляет души известный всем персонаж Харон, но только в одном направлении, обратный путь заказан. Смысловой и сюжетной канвой спектакля стала музыкальная партитура Гии Канчели, само название которой более чем красноречиво. Это реквием, наверное, по всему человечеству сразу. А, может, и по всему живому.

«Стикс» Канчели считается «культурным» в любой точке земного шара. Сразу же после премьеры в Голландии и позже в Москве он признан «гениальной партитурой». Башмет, для чьего альта специально написан «Стикс», считает его шедевром. Еще его называют «мрачным опусом в жанре реквиема», добавляя, что он не оставит равнодушными тех, кто когда-либо терял близких. Стуруа придал этой симфонической поэме абсолютно «законченный» смысл – в смысле очевидности перспективы конца для каждого из живущих. И грешно-тернистого пути к нему. В финале – хрупкая надежда на возрождение жизни, но не самих ушедших.

«Стикс»

Сказать, что «Стикс» стал предвестником происходивших в Тбилиси событий, было бы уж слишком. А вот партитура Канчели и обращение к ней Стуруа сегодня – совсем не случайность. Пророчества художников опасны тем, что сбываются. По отношению к спектаклям Стуруа это ощущение возникает еще с тбилисских событий начала 90-х годов.

«Слова, слова, слова...» – режиссер устал от их пут. Это чувствовалось и в последнем его спектакле, «В ожидании Годо», а теперь стало очевидным. То, о чем хочет сказать нам Стуруа в «Стиксе», словами и не выскажешь. Музыкальное Зазеркалье – самое сильное по точности и остроте эмоций. Отражение того, что происходит в нас, сегодняшних, почти на подсознательном уровне, без слов. Только взгляды, жесты, какие-то элементы хореографии.

Остро, пронзительно и беспощадно дает Стуруа слепок нашего бытия, где есть место всему. Таков и музыкальный первоисточник. Это «мрачноватое сочинение» для альта, симфонического оркестра и хора,

где аллитерациями звучат слова на грузинском и на английском. В музыке переплетено все – оглушительные контрасты между внезапными мощнейшими tutti и звенящей тишиной, соло альты как символ одиночества и многообразие оркестра и хора... Трагическое и легкомысленное существуют вместе. Скорбь, тревога, громовые раскаты катастроф и леденящий ужас «других берегов» уживаются с нежными мимолетными шорохами, щемящими воспоминаниями, щебетом птиц и еле слышным шуршаньем... Композитор соединяет два мира. В мифологии, помнится, из живых переплыть Стикс удалось только Орфею – тот заворожил своей музыкой даже видавшего виды Харона. Канчели как-то обмолвился, что голос альты Башмета «способен соединить разделенные водами Стикса мир мертвых и мир живых». Другими словами, Канчели сравнивает Башмета с Орфеем. Тонкий комплимент, который бумерангом возвращается к композитору. И, конечно, к режиссеру, которому не впервой сочетать миры. Он это сделал в своей шекспировско-рождественской «Двенадцатой ночи», а до того – в «Макбете».

Назвать это представление балетом невозможно, хотя в постановке принимал участие замечательный балетмейстер Гоги Алексидзе. Мимодрама, пантомима – жанр сценического действия не поддается формулировке. Скорее всего, серия сценических этюдов в пластике. Стилистически они безукоризненно сливаются с музыкой, даже когда

режиссер дает собственную трактовку, иногда парадоксальную или ироничную. При этом сохраняется диктат музыки, она остается эмоциональным стержнем, ей подчинен визуальный ряд, внутреннее состояние актеров, скупая и выразительная пластическая лексика.

В «Стиксе» аскетизм во всем. Начиная с зала, где нет сцены – основной линии, разделяющей театр и жизнь. Художник Темур Нинуа оставляет нетронутыми белые стены, в глубине возвышается столб с карабкающимся вверх силуэтом человека. Рядом темные очертания то ли одинокого степного волка, то ли мифического Цербера. Вдоль стен – большие матовые щиты, подобие зеркал. И никаких декораций. В этом мире вещьность все равно ничего не решает. В том – тем более.

Здесь нет главных и второстепенных персонажей, все безымянны, все уникальны, все одиноки тет-а-тет с вечностью. Вместо ладьи Харона – обычный белый стул. Как шлейф земной жизни тянется он по сцене за каждым. Выстраивается длинный ряд стульев, а на них проделавшие свой последний путь люди. Или уже души? Отрешенный взгляд в никуда и гробовое молчание. Перед нами белая граница Стикса...

Если бы Стурра ограничился возвышенно-строгим реквиемом, он не был бы самим собой. Как всегда, у него соединяются боль и сарказм. Ему интересен путь людей не по Стиксу, а до него. Кто мы? Что мы? Зачем мы? – Нет ответа. Потому и не ведают, что творят. И когда высо-

кие щиты-зеркала разворачиваются на нас, хочется съежиться – да, мы такие.

Вариантов смертей в руставелиевском «Стиксе», наверное, больше, чем в любой трагедии Шекспира. Отыгрываются они молниеносно. И каждый раз все так узнаваемо. Как только выискивается наивный правдоискатель, его сминает толпа. Еще и помочатся на труп. Превращение людей в толпу – давняя тема Стуруа. Точно так же, как пробивающиеся сквозь тьму и грязь ростки любви. Все это переплетено на сцене в один клубок.

Кто-то найдет в «Стиксе» Стуруа «гендерный формат»: он и она. Их воздушный, летящий танец. Она, как тонкая былинка, парит в воздухе на его руках – то ли возлюбленная, то ли душа. Прозрачные голоса хора звучат нежно и горестно, как эхо: «Сули, сули, сули (душа)...». Былинка недолговечна, но она вернется в этот мир. Уже не былинкой, а стальной пружиной. И это обернется против мужчин. Повторится танец с тряпичной куклой, но уже приземленный, жесткий, причем куклой будет мужчина. Кто-то может услышать в этом «берегитесь!», а кто-то «берегите!» Не мужчин, а друг друга. Воды Стикса шумят для всех...

Юрий Башмет считает, что не случайно в «Стиксе» солирует «именно альт с голосом – в сексуальном смысле – неопределенным. В этом есть нечто космическое. Альт нельзя назвать ни мужчиной, ни женщиной. Это та красота, которая стирает грани»...

Точно так же Стуруа расширяет «гендерный» формат до космического. В финале в синем луче – два профиля, медленно принаикающие друг к другу. И как благословение или поминовение – огонек свечи в руках бредущего старика. Если вы ждете от театра остроты наслаждения, то первое вам гарантировано с избытком. Насчет второго можно сказать, что это будет праздник со слезами на глазах.

Темура Чхеидзе проверяет на съедобность

*«Тбилисский петербуржец» назначен главным режиссером БДТ
«Русский курьер», 27 мая 2004 года*

Еще недавно Темура Чхеидзе в шутку называли тбилиским петербуржец. Теперь – шутки в сторону. Темур Нодарович стал главным режиссером питерского БДТ. Это не явилось особой неожиданностью ни для кого, включая самого Чхеидзе. Свой приход в БДТ в качестве главрежа он называет чистой формальностью. Отношения, складывавшиеся на протяжении 13 лет, наконец, узаконены. Настоял на этом Кирилл Лавров, в случае отказа грозивший уйти из театра. 15 июня Чхеидзе будет официально представлен труппе БДТ уже в новом качестве. Лавров сохраняет за собой пост художественного руководителя.

С лета прошлого года и по сегодняшний день Чхеидзе является главным режиссером Марджановского театра. Пока он намерен совмещать

**Темур Чхеидзе, Роин Метревели, Николай Свентицкий, Вера Церетели.
Дни Ильи Чавчавадзе в Петербурге**

два города и два коллектива. Впрочем, Марджановский последние сезоны стоит на реконструкции и откроется не раньше будущего года. Так что в ближайшее время стрелка режиссерского компаса будет указывать на север.

Его присутствие и влияние стали ощутимыми в БДТ сразу же после дебютной постановки «Коварства и любви». Наверное, труппа почувствовала родство театральных школ. Ведь все ведущие грузинские режиссеры могут называть себя внуками Георгия Александровича Товстоногова. Потому что все они получали знания и первые зачатки мастерства у его ученика – уникального режиссера, педагога Михаила Ивановича Туманишвили. Неудивительно, что Чхеидзе, ученик Алексидзе и Туманишвили, сразу пришелся ко двору в БДТ. Он ставил там чуть ли не каждый сезон. «Салемские колдуны», «Борис Годунов», «Любовь под вязами», «Антигона», «Маскарад», «Копенгаген»... Кирилл Лавров, приезжая в Тбилиси в качестве руководителя БДТ, всегда публично подчерки-

вал свое особое отношение к этому режиссеру и его огромный авторитет у труппы.

В Тбилиси никому не надо объяснять, кто такой Темур Чхеидзе. Все знают, что его родители – артисты театра Руставели Медея Чахава, которую и сейчас еще можно увидеть на телеэкранах, и Нодар Чхеидзе, которого уже давно нет. Знают также, что актер и знаменитый спортивный обозреватель, покойный Котэ Махарадзе, отчим Темура, а известная в недалеком прошлом балерина Мака Махарадзе его сестра. И это не закулисные тайны, это знает и стар, и млад. Знают и то, что этот разветвленный клан очень дружен. Например, Темур вспоминает, что с легкой руки Махарадзе, колесившего по мировым футбольным чемпионатам, к нему, старшекласснику, попадали зарубежные издания запрещенных в СССР книг. Так он прочитал «Мастера и Маргариту», и еще много чего.

Моя московская коллега несканно удивилась, когда на ее глазах, на экскурсии в дальнем монастыре, вышедшие из автобуса школьники

не просто узнавали режиссера Чхеидзе, но и наперебой подходили к нему, здоровались, просили вместе фотографироваться... Конечно, приятно, когда узнают даже школьники. Но для взрослых зрителей с режиссером Чхеидзе связано значительно больше. Нечто сокровенное, что прячется в таких глубинах человека, куда и заглянуть страшно. О чем догадывались, но не говорили вслух; иногда было нельзя, чаще не принято, особенно, если речь шла о грузинском характере. Лучшие его спектакли пульсировали, как живой оголенный нерв. Во времена повального строительства коммунизма Темур Чхеидзе и его актеры, пожалуй, были единственными, кто показывал на сцене боль человека, не утратившего нравственные ориентиры.

Именно Чхеидзе воскресил из бытия 37-го года и открыл для театра прозу Михаила Джавахишвили еще в конце 70-х. Там бередила сознание боль ушедшего, разрушенных традиций, поколебленных устоев. Естественно, что о его работы все время спотыкался идеологический отдел ЦК. А спектакль по произведениям «отца нации» Ильи Чавчавадзе «Я Илья!», где речь шла и о трагической гибели писателя, и о владычестве российских чиновников в Грузии, не закрыли только потому, что там играла Верико Анджапаридзе, а на премьеру пришел сам Патриарх Илия II. Помню, с какой нервнойностью накануне приема спектакля зав. отделом культуры ЦК КПСС отправлял на предварительный прогон своего молодого сотрудника (кстати, позже

назначенного министром культуры). Смотрели на сцену и ежились, но решили не делать волны, авось в Москве спектакль не увидят.

Чхеидзе, лауреат «Золотой маски» и петербургской театральной премии «Золотой софит», в Москве, в чеховском МХАТе, еще в 1982 году поставил «Обвал» по пьесе Михаила Джавахишвили, а два года назад – «Антигону» Ануя с Отаром Мегвинетухуцеси в главной роли. Мало кто помнит сейчас о Ленинской премии Чхеидзе 1986 года. При всей своей диссидентской ориентации, Чхеидзе получил ее за роль идеально порядочного и интеллигентного секретаря райкома в фильме Резо Чхеидзе «Твой сын, Земля!»...

Особо надо отметить оперные постановки Темура Чхеидзе. В Мариинке это «Дон Карлос» Верди, «Маленькие трагедии» Рахманинова и Римского-Корсакова, «Летучий голландец» Вагнера, «Игрок» Прокофьева. Так сложилось, что за границей Чхеидзе знают именно как оперного режиссера. «Игрок» поставлен им в нью-йоркской «Метрополитен Опера» и в миланской Ла Скала. И все это – в творческом содружестве с Валерием Гергиевым. Также вместе с Гергиевым Чхеидзе работал на оперных сценах Генуи и Венеции.

В самом конце мая батона Темур придет в Москву – в Большом театре готовится его постановка оперы «Леди Макбет Мценского уезда». С художником Юрием Гегешидзе они будут сдавать макет будущих декораций.

О планах Чхеидзе в качестве

Вера Церетели в доме-музее Верико Анджапаридзе и Михаила Чиаурели

главного режиссера БДТ говорить и спрашивать еще рано. Пылкой велеречивостью он никогда не отличался. Всегда любил раскрываться не в разговорах, а в спектаклях. Тем не менее нам удалось связаться с Темуром Нодаровичем в Тбилиси и задать ему несколько вопросов.

– Как вы теперь собираетесь жить между Тбилиси и Петербургом?

– Как жил, так и буду – то в Питере, то в Тбилиси. Теперь мне, конечно, предстоит чаще бывать в Питере. Но бросить грузинский театр я не могу.

– А ваша семья?

– Ну, это мы решим. Скорее всего семья останется в Тбилиси, а я буду мотаться туда-сюда. Не хочу, чтобы жена ушла из театра и не могу ее отрывать от внуков.

– Ваша жена Нани Чиквинидзе – замечательная актриса. А в БДТ мы ее увидим?

– В БДТ вы ее увидите в зале.

– Что станет основным принципом главрежа Темура Чхеидзе?

– Я постараюсь не сковывать чужое творчество.

– Новые планы театра уже озвучены вами внутри БДТ?

– Для того и проводим сбор труппы по итогам сезона, чтобы там все озвучить.

– Никаких потрясений не ожидается?

– Не надо революций. Нужна эволюция, а не революция.

– Георгий Александрович Товстоногов, придя в БДТ, взялся за дело жесткой рукой. Он начал строить театр под себя. Это правильно?

– Наверное. Но, во-первых, это был Георгий Александрович, а я не могу себя с ним сравнивать. Еще надо учесть, что он пришел в новый для себя театр. А я там уже 13 лет. И потом, есть худрук. Я не считаю себя единоличным руководителем и благодарен Лаврову за то, что он остался на своем посту.

– Товстоногов сразу предупредил труппу: «Я несъедобен». А как у вас с этим обстоит?

– Не знаю. Выяснится позже. Пока, на протяжении 13 лет, поползновений съесть меня я в БДТ не замечал. Иначе меня бы там не было.

СОДЕРЖАНИЕ

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ	5
ДЕВОЧКА ИЗ КУНЦЕВО	6
ВЫЙТИ ЗАМУЖ ЗА ГРУЗИНА	11
ПРОВЕРКА НА ПРОЧНОСТЬ	21
«У ПОЛИТИКИ И ТЕАТРА ОСНОВА ОДНА – ИГРА»	25
«ДИАЛОГ ЧЕРЕЗ КАВКАЗСКИЙ ХРЕБЕТ».....	29
О ВЕРЕ – ДОЧЬ, ДРУЗЬЯ, КОЛЛЕГИ	33
ПУБЛИКАЦИИ РАЗНЫХ ЛЕТ	46

რუსულ-ქართული კულტურული ურთიერთობები ქვეშარიტად ისტორიული მოვლენაა, რომელსაც ანალოგი არ აქვს.

რუსეთსა და საქართველოს ურთიერთობები სათავეს მათე საუკუნეში იღებს – უძველეს ქრონიკებში ნახსენებია საქართველო და თბილისი. 1491 წელს დამყარდა დიპლომატიური ურთიერთობები. პეტრე პირველის დროს მდინარე პრესნიაზე საფუძველი ჩაეყარა ქართულ დასახლებას (თავდაპირველად – „გრუზინი“, ახლა – ბოლშაია გრუზინსკაია). XVIII საუკუნის ბოლოდან, გეორგიევსკის ტრაქტატის დადების შემდეგ, 1783 წელს ორ ქვეყანას შორის განსაკუთრებით მჭიდრო და ინტენსიური ურთიერთობები დამყარდა.

საქართველო პასუხობდა მფარველობას დახმარებითა და მხარდაჭერით – მათ შორის კულტურული და სულიერით. ბევრმა რუსეთში დევნილმა დიდმა რუსმა საქართველოში თავშესაფარი მიიღო. ისინი აქ ყოველთვის პოულობდნენ თავისუფლებას, სამსახურს და თავყვანისცემას.

სერია „რუსები საქართველოში“ – რუსული ხელოვნების, რელიგიის, მეცნიერების, ლიტერატურის, სპორტის მოღვაწეების საქართველოში ყოფნის მდიდარი ისტორიის სისტემატური გაშუქების პირველი მცდელობაა, იმ გამოჩენილი ადამიანების, რომლებიც იმსახურებენ მაღლიერ ხსოვნას შთამომავლობისაგან.

სერია რუსეთ-საქართველოს ურთიერთობების ნამდვილი ენციკლოპედია იქნება.

პროექტის მიზანია ხელი შეუწყოს რუსეთის კულტურული მემკვიდრეობის პოპულარიზაციას, ააღორძინოს ინტერესი რუსეთის მიმართ საქართველოში და პირიქით, საზოგადოებრივი და კულტურული დიალოგის გაღრმავებას ორი მართლმადიდებელი მეზობელ ერს შორის.

Russian-Georgian cultural relations are truly a historical phenomenon that has no analogues.

Russia and Georgia are bound by eleven centuries of mutual intercourse. Starting of those relations dates back to the X century – Georgia and Tbilisi are mentioned in the ancient chronicles. In 1491 diplomatic relations were established. During Peter the Great's reign on the banks of the river Presnia was built Georgian settlement (colloquially – "Georgians", now – Bolshaya Gruzinskaya (Great Georgian). And at the end of the XVIII century, after signing of Georgievski Treaty in 1783, the relationship between two countries became particularly close and intense.

Georgia answered with help and support on this patronage. Many great Russians found shelter here – disgraced and persecuted in Russia, in Georgia they always found freedom, work and reverence.

A series "Russians in Georgia" is the first attempt of systematic coverage of the rich history of staying in Georgia outstanding Russian artists, religious leaders, scientists, writers, sportsman worthy grateful memory of descendants.

The series will be a real encyclopedia of Russian-Georgian relations.

The project aims promoting the Russian cultural heritage, the revival of interest to Russia in Georgia and to Georgia in Russia, intensifying social dialogue and cultural exchange of the two Orthodox neighbor nations.

Издатель –
Международный культурно-просветительский Союз
«Русский клуб»

При поддержке Фонда **«Русский мир»**

Руководитель проекта –
НИКОЛАЙ СВЕТИЦКИЙ
заслуженный деятель искусств РФ,
заслуженный артист РФ

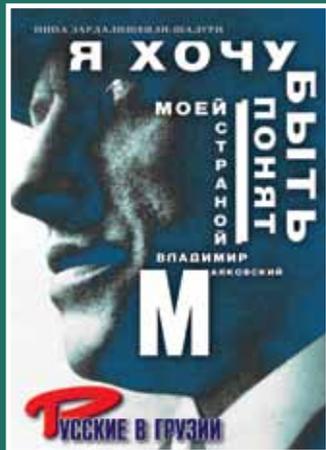
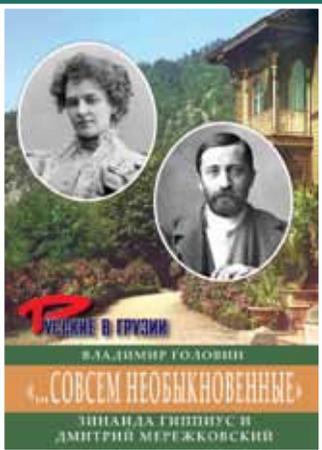
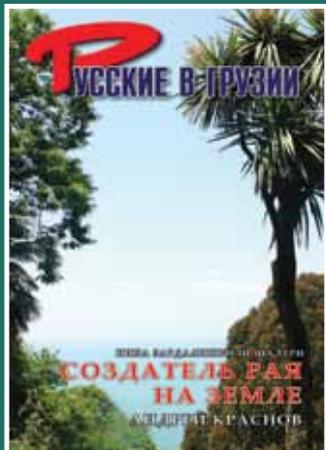
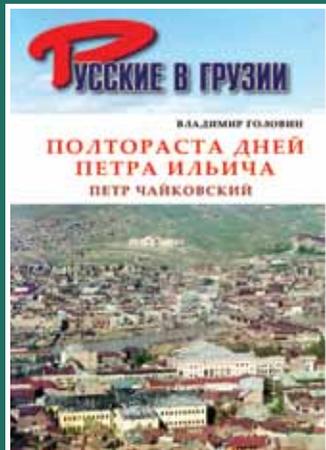
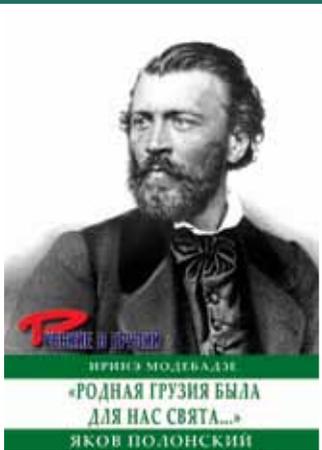
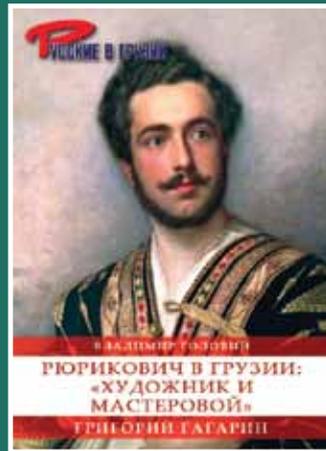
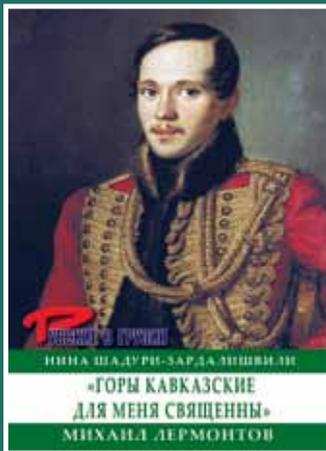
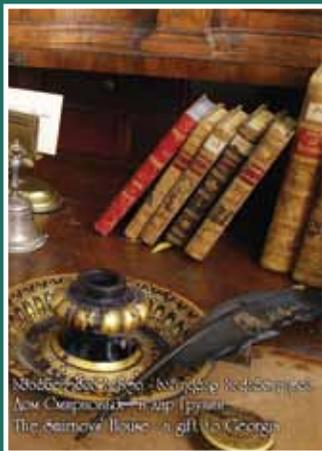
ИННА БЕЗИРГАНОВА
ЗЕРКАЛО ВРЕМЕНИ
ВЕРА ЦЕРЕТЕЛИ

Редактор
АЛЕКСАНДР СВАТИКОВ

Дизайн, компьютерное обеспечение
ДАВИД ЭЛБАКИДЗЕ-МАЧАВАРИАНИ

Над книгой работали
МАРИНА МАМАЦАШВИЛИ
ЕЛЕНА ГАЛАШЕВСКАЯ

ИЗДАНИЯ «РУССКОГО КЛУБА»

Безирганова Инна – филолог, журналист, театровед. Член Международной ассоциации театральных критиков А.И.С.Т. Член Союза театральных деятелей Грузии. Член редакционной коллегии журнала «Русский клуб». Окончила филологический факультет Тбилисского государственного университета имени Ив. Джавахишвили. Защитила диссертацию «Мир грузинской действительности и поэзии в творчестве Евгения Евтушенко». Доктор филологии.

Автор книги «Евгений Евтушенко. След любви».

Автор и составитель юбилейной книги «Русский театр в Грузии – 170».

Автор книг, посвященных истории и выдающимся деятелям Театра им. А.С. Грибоедова – «Наталья Бурмистрова. Она была звездой», «Закон вечности Бориса Казинца», «Леонид Варпаховский. Партитура судьбы».

Корреспондент ряда грузинских и российских СМИ.

Лауреат профессиональной премии театральных критиков «Хрустальное перо. Русский театр за рубежом» Союза театральных деятелей России. Лауреат журналистского конкурса «Вопреки», учрежденного Фондом защиты гласности, Российской демократической партией «Яблоко» и редакцией «Новой газеты».

С 2009 по 2014 гг. – заведующая литературной части, с 2014 года – заведующая музеем Театра им. А.С. Грибоедова.

Международный культурно-просветительский Союз «Русский клуб»

(МКПС) – грузинская общественная неправительственная организация. Зарегистрирована в 2003 году. Входит в Международный союз российских соотечественников (МСРС). Президент Союза – Николай Свентицкий, директор Тбилисского государственного академического русского драматического театра им. А.С. Грибоедова, заслуженный деятель искусств РФ, кавалер Ордена Дружбы. На сегодняшний день членами Союза являются более пяти тысяч людей из разных стран мира – как частные персоны, так и целые организации. Главная задача «Русского клуба» – всестороннее развитие и укрепление культурных связей между Грузией и Россией как двумя независимыми государствами на основе сотрудничества, дружбы и взаимопонимания. Деятельность союза охватывает самые разные сферы жизни – литературу и искусство, образование и науку, спорт и туризм. С момента основания Союз организовал и реализовал более 350 разнообразных проектов, самый масштабный из которых – ежегодный Международный русско-грузинский поэтический фестиваль (2007-2014); за семь лет участниками фестиваля были ведущие поэты Грузии и более пятисот литераторов из почти пятидесяти стран мира. Союз является издателем общественно-художественного журнала «Русский клуб», серий «Литературное приложение» к журналу, «Библиотека «Русского клуба», «Детская книга».

